

Автор: Попова Ольга
calipsoalya@gmail.com
+7-905-213-63-00

Моя собачья жизнь

Трагикомедия

Пьеса в 2-х актах

НИНА- привлекательная женщина лет 35

ФИЛИПП - персона, личность которой будет раскрыта позже

ПСИХОЛОГ- мужчина 43-х лет

РУСЛАН- музыкант, 36 лет

ИГОРЬ- привлекательный мужчина, 38 лет

ДЕНИС- актер, 25 лет

ДЕВОЧКА лет 6

МАТЬ НИНЫ

4 КИНОЛОГА (за которых могут читать ПСИХОЛОГ, ИГОРЬ, ДЕНИС и РУСЛАН)

Все актеры кроме девочки находятся все время на сцене. У каждого актера есть собственный свет, который сигнализирует их появление и уход со сцены. РУСЛАН, ИГОРЬ, ДЕНИС, МАТЬ НИНЫ сидят на стульях на втором плане. Позади них расположен экран, на котором будут появляться видео и отдельные слова, значимые для повествования. Свет над ФИЛИППОМ горит всегда. Стулья у всех актеров кроме ФИЛИППА непомерно огромны, стул ФИЛИППА – крошечный. ФИЛИПП одет в красное, мужчины и МАТЬ НИНЫ в синие костюмы, одежда максимально простая, формальная, Нина – в желтом платье. Бытовых сцен в спектакле нет. Ремарки указаны для спектакля малой формы. Для большой сцены сценография остается на усмотрение режиссера.

Действие первое.

Сквозной диалог ниже герои читают за все время пьесы трижды. Первое прочтение совершенно безэмоциональное, второе - с более нарастающим напряжением, третье прочтение – максимально эмоциональное. Для этой сцены характерен определенный свет и звук.

ФИЛИПП. Меня никто не слышит.

НИНА. Я билась, я пыталась, я делала все, что в моих силах. Я больше так не могу.

ФИЛИПП. Что со мной не так? Научи, как все исправить, ведь я очень люблю тебя.

НИНА. Меня сводит с ума твое присутствие. Временами я просто тебя ненавижу.

ФИЛИПП. Возьми мое сердце и мои глаза и ты увидишь этот мир изнутри меня. Я боюсь. Я очень сильно боюсь.

Свет меняется. ФИЛИПП встает.

ФИЛИПП. Привет! Меня зовут Филипп. Я подрабатываю пастухом в деревне. Это значит, что мне надо собирать в стадо овец, которые отбились. *(Ухмыляется.)* Но я не очень люблю собирать овец, мне больше нравится угонять какую-нибудь одну овечку подальше от стада, играть с ней и таскать ее за ноги. *(Глупо посмеивается. Продолжает гордо через паузу.)* Говорят, что я очень красив. Прямо как этот... как его... Ален Делон. Не то, чтобы я знал, кто это такой, но хозяин фермы, когда смотрел телевизор, иногда кричал своей жене: «Иди, смотри, опять твоего лягушатника показывают.» А она бежала из кухни так, что роняла куриные потроха из рук, поскользнулась на миске с водой, прилипла к ящику и тоскливо вздыхала: «Ах, Ален», – и зачем-то прикладывала губы к экрану. Потом смотрела на меня с нежностью и приговаривала: «А ты похож на него, такой же красавчик!» А я, счастливый, подбирал эти вкуснейшие потроха и радостно соглашался. *(Пауза.)* Правда еще она говорила, что я – олух и дурачок от рождения, и мне никогда не стать хорошим пастухом, да и охранник из меня никакой, потому что я до смерти боюсь громких звуков и ... в общем, это... много чего еще я боюсь. Когда я слышу звуки, мне кажется, что у меня поперек головы встает огромная кость, которая распирает ее изнутри. А раз хозяйка фермы говорила, что у меня нет там мозгов, то места для этой косточки очень много. Мне кажется, что еще чуть-чуть и она продерет мои уши, вылезет наружу. В этот момент мое сердце ухает куда-то в живот, и я не могу его там найти, оно смешивается со съеденными мною накануне потрохами и перестает биться. Страх не дает мне шевелиться, в висках стучит, я чувствую боль в голове и груди. *(Пауза.)* Хозяйка фермы посмеивалась, что в прошлой жизни я был французским солдатом. *(На секунду задумался.)* Я так и знал, что она любит французов из-за меня! *(Глупо ухмыляется.)* Так вот. *(С верой.)* Я просто был французским солдатом, который погиб... Да кто же знает меня, где я погиб, но определенно в этом месте было очень много неприятных звуков. Моя душа запомнила это, но, как сказала фермерша, я, судя по всему, не только солдатом был не особо хорошим, но и как человек скотина полная. Хотя ничего плохого в скотине не вижу: стоит себе, блеет да мычит. И вот.. Я снова пришел на эту землю *таким...*

Свет зажигается над НИНОЙ и РУСЛАНОМ.

НИНА *(взбудоражена, разгорячена)*. Руся, гляди, кого я привела!

РУСЛАН (*выходит на передний план сцены и на ходу уже разглядывает ФИЛИППА, долго мерит его взглядом и выдавливая из себя*). Это что еще такое?

НИНА. Ты только посмотри, какие глаза! Они цвета неба в солнечную погоду!

РУСЛАН. Нина, сколько раз я просил тебя не тащить никого в дом? Почему ты никогда не слушаешь меня?

НИНА. Но я очень хочу, чтобы у меня был компаньон, с которым можно было бы ходить в лес, гулять под дождем, встречать рассветы... Ты что ли будешь все это со мной делать?

Пауза.

РУСЛАН. Ну, и кто это, девочка или мальчик? (*Пауза.*) Вижу, что мальчик.

НИНА. Малыш, ай-яй, нельзя здесь писать! Это надо делать на улице! (*Руслану.*)

Пожалуйста, не ругай его, он еще не освоился, он очень скромный и пугливый малыш.

РУСЛАН. Я и не собирался его ругать! Что значит, еще не освоился, Нина? Он здесь не останется!

НИНА (*изменившимся тоном*). Почему я не могу делать в своем доме то, что мне хочется? Я даже друга не могу завести! Тебя ведь никто не заставляет о нем заботиться!

РУСЛАН. Ты делаешь так всегда – что-то решаешь и просто ставишь меня перед фактом. Я вообще имею право голоса в этом доме? (*Пауза.*) Боже! (*Мерит взглядом ФИЛИППА.*)

Но куда мы денем этого громилу в нашей съемной квартире?

НИНА. Смотри, он занимает совсем не много места!

РУСЛАН. Но хозяйка квартиры не разрешит держать здесь это гигантское вонючее чудовище!

НИНА. Он не вонючий, и мы ей ничего не скажем! Мы с Филиппом просто поднимемся этажом выше и постоим на площадке, пока ты будешь заговаривать ей зубы, когда она придет.

РУСЛАН. С каким еще Филиппом?

НИНА (*указывает на ФИЛИППА*). Вот с этим Филиппом.

РУСЛАН. Ах, так господина еще и Филиппом зовут.

НИНА. По-моему, красивое имя.

РУСЛАН. Только этого мне не хватало! Наташа, здравствуйте, вот деньги за квартиру.

Где Нина? А Нины теперь никогда не будет дома, она прячется на лестничной площадке со своим гигантским, недалеким, голубоглазым Филиппом!

НИНА. Я устала ждать тебя ночами после концертов, мне нужен хоть кто-то еще в этом доме.

Свет над РУСЛАНОМ гаснет, он возвращается на свое место.

Для каждого из дневников тоже характерен определенный свет.

ДНЕВНИК НИНЫ. 21 августа 2020 года. Я решила начать вести дневник, чтобы записывать в него динамику изменений в поведении Филиппа. По мнению многих кинологов, это поможет вносить необходимые коррективы. Динамика, коррективы - слишком много сложных слов – будто я пишу диссертацию по этологии. Начну сначала. Несколько дней назад я листала ленту новостей в интернете. Мое внимание привлекло фото собаки дивной красоты с сияющими голубыми глазами, густой как теплая шуба шерстью и счастливой, дружелюбной улыбкой на немного одуревшей морде. Под фото была надпись: подрощенный щенок австралийской овчарки, 7 месяцев. Я погуглила, что это за порода, и описание нарисовало в моей голове пасторальную картину нежнейших

отношений с очаровательным псом, который следовал бы за мной на пробежке в парке с маньяческой преданностью, выполнял команды с расторопностью рядового и провожал до двери взглядом осиротевшего ребенка. Не знаю, чего мне не хватало в жизни: маньяка, ребенка или услужливого раба, но я вбила себе в голову, что мне нужна большая собака. Я дала себе пару дней на раздумье, но, не будучи в силах остудить жар этой внезапной горячки, села в машину и помчалась в другой город. Что ж, поиск легких путей – это явно не мое жизненное кредо. Через 3 часа я была на месте. Пса взяли на поводок и вывели со двора. Во время прогулки он все время смотрел на руки своей хозяйки, которая кормила его безо всякого повода. В его поведении было что-то необычное, но я никак не могла уразуметь, что именно. Когда он увидел на улице маленького ребенка, то очень медленно и осторожно оскалил зубы. «Плохой знак», – подумала я, взяла время на размышление и уехала ночевать в местный отель.

ДНЕВНИК ФИЛИППА. Когда я лежу на полу и чувствую его прохладу под своим животом и носом, я ясно вижу много ящичков, которыми заполнена моя голова. И тогда я понимаю, что не так уж она и пуста. На дне моей головы валяется мусор из всего что я видел, нюхал и трогал за все время, сколько себя помню. Лежа в одиночестве на холодном полу, я могу разбирать этот хлам и складывать его в ящики. Это будто делает меня умнее, мои мысли становятся гладкими как шерсть после мытья собачьим шампунем. Недавно моя жизнь так круто изменилась, что беспорядок в голове сделался очень большим. Я срочно должен разложить все по местам, чтобы понять, что происходит. День первый. Я впервые вышел со двора на улицу. Хозяйка сказала, я уже взрослый мальчик, и мне пора увидеть большой мир. Мы жили на ферме возле маленького городка, который был пустым в тот день. Я шагал по нагретому солнцем асфальту и чувствовал подушками лап каждую его шероховатость, это трение было довольно приятным, мои лапы пружинили. В руках у хозяйки были кусочки сушеного рубца, его сильный запах вел меня по дороге вперед, я не успевал сглатывать слюны, она капала из пасти прямо на землю. Но улица была такой большой и широкой, что я чувствовал себя очень плохо. Сердце стучало через раз, голова кружилась, и меня подташнивало, только запах рубца помогал мне сделать глубокий вдох, а вместе с ним и следующий шаг. После этого хозяйка клала мне в рот маленький кусочек, который щекотал мой язык, и это было щенячьим счастьем – ощущать как эти сладкие сухие корочки тают во рту, оставляя в нем подкопченный вкус коровьего желудка. Мне сложно было смотреть на что-то одно, но я заметил, что рядом с нами шел человек женского пола, я не видел ее раньше. У нее был приятный голос, от нее не исходило никакой опасности. Она пахла молоком, пшеницей и абрикосами. Мне нравилось втягивать носом воздух, когда порыв ветра доносил до меня этот домашний теплый аромат. Но вдруг я увидел человеческого детеныша. Его тревожный запах и режущий слух голос были так неприятны, что я не мог пошевелиться. В голове начала вырастать пресловутая кость. Я тихо сказал ребенку: «Не приближайся ко мне, я очень боюсь»

ДНЕВНИК НИНЫ. 19-го августа всю ночь я ворочалась в постели, мой внутренний голос почти переходил на крик, умоляя вернуться домой одной, без собаки. Но рассудок успокаивал меня в этот раз: «В чем дело? Ты проехала пару сотен километров, он действительно красив и, наверняка, так же умен. Глупо будет не забрать его с собой!»

ДНЕВНИК ФИЛИППА. День второй. Весь день я бегал с сестрой на свежем воздухе. Было страшно жарко, но я часто высовывал язык, так что мой нос оставался холодным и мокрым прямо как остывшая крынка парного молока, которую у меня никак не

получалось стащить со стола все утро. Высокая трава, которой поросла добрая половина нашего двора щекотала мой живот. Мне нравилось слышать, как мягко она хрустит под моими лапами, ее острый пряный запах смешивался с ароматом дождевых червей, клопов, которые таранились на меня из кустов малинника, и рыхлой прелой земли, набухшей от воды, потому что та лилась с неба все утро. Как же хорошо было слегка проваливаться в прохладную влажную почву, ощущать, как ее крупинки забиваются меж волосков на пальцах, и одновременно всей своей спиной чувствовать жар солнца!

ДНЕВНИК НИНЫ. Невзирая на кружившую мне голову тревогу, я поддавалась детскому восторгу обладания щенком, вернулась за псом и что-то промямлила про испытательный срок. Не без труда мы затащили его на заднее сиденье моей машины. Он лаял с отчаянием идущего на казнь приговоренного. Заводчица вытирала платком слезы и махала нам вслед. Пес ехал всю дорогу с выпученными глазами. Когда, наконец, мы добрались до дома, он битый час не хотел выходить из машины. В тот момент, когда я уже решила, что пес останется ночевать в авто, он вдруг зазевался, и мне удалось выдернуть его на улицу. Собаку зовут Филиппом. Я не стала менять его имени – он уже взрослый. Руслан явно не рад. Может, стоило сказать ему о нашем новом члене семьи заранее? Оказавшись в квартире, Филипп просидел весь вечер под столом. Он лежал, воткнув нос в пол, и угрюмо шевелил бровями. Казалось, огромные металлические шестеренки с оглушительным скрипом вращались под тяжестью мыслей в его голове. Меня беспокоило его поведение, и я вызвала кинолога.

ДНЕВНИК ФИЛИППА. Вдруг я услышал странное дребезжание... Что? Нет, это был не природный звук. От калитки потянуло до боли знакомым запахом пшеницы, торчащей из банки с абрикосовым вареньем. Я сразу заподозрил неладное. Внезапно мою шею что-то неприятно стянуло, меня повели со двора на улицу. «Сестра! – кричал я. – Я не пойду туда один!» Я увидел человека женского пола, того самого, что и вчера. Запах явно исходил от нее. Мы все стояли перед огромным вонючим чудовищем, которое гроыхало так, что в моей голове снова начала расти проклятая кость. Не знаю, как я оказался в желудке у этого железного монстра, последнее, что помню – запах тревоги, исходивший от хозяйки. Я стоял на чем-то мягком, меня швыряло из стороны в сторону каждую минуту. Мне было так больно, как будто кость прорвала мои уши и торчала наружу. Сердце было где-то во рту, который я боялся открывать, чтобы случайно его не выплюнуть. В конце концов, я догадался лечь. Так меня меньше шатало и тошнило. Женщина-пшеница сидела впереди и все время разговаривала со мной. Я решил, что безопаснее всего – просто оставаться на месте, так как я все еще был жив, и мое сердце, и даже съеденное с утра легкое тоже оставались внутри меня. Не помню, как оказался в квартире. Меня обдало запахом пота, сосновой смолы, зеленых иголок и чего-то очень мужского, а еще металла, лака и дерева – так пахли руки хозяина дома. Вроде не опасен. Но от этого не менее страшен. Я нашел укромный угол. Здесь меня никто не достанет. Не верится, что я еще жив.

ДНЕВНИК НИНЫ. 20-го августа приходила женщина-кинолог – грузная, грубая и властная. Мне она совсем не понравилась. Филиппу тем более. Под конец занятия он обмочился. Должна признаться, я тоже была близка к этому. Я решила попробовать найти кого-нибудь другого, кто бы мог нам помочь.

ДНЕВНИК ФИЛИППА. День третий. Удивительно, я все еще жив, я все еще жив, я все еще жив. Женщина-гора, женщина-гора, женщина-гора. Запах агрессии, чеснока и жировых отложений. Братъ еду из рук опасно, не-е-ет, меня не проведешь! Ты не

заманишь меня в ловушку! Мое сердце все еще у меня во рту, и я не знаю, как вернуть его обратно, но я живу! Я все еще живу!

Свет зажигается над всеми актерами.

КИНОЛОГ 1. Надо механически подсказывать собаке поводком, что она идет не туда.

КИНОЛОГ 2. Нет, неправильно использовать механическое воздействие поводком, это травмирует психику собаки, приглашайте ее идти рядом, легонько подсказывая ей направление, но не тяните поводок на себя, дайте животному больше свободы.

КИНОЛОГ1. Это воспитывает в собаке полное неподчинение, Вы никогда не сможете доказать ей своего авторитета и показать, кто здесь вожак.

КИНОЛОГ2. Только уважительным отношением к личности собаки можно добиться от нее желания сотрудничать с Вами.

КИНОЛОГ 3. Немедленно кормить собаку за хорошее поведение! Быстро! Кусок! Кусок!

КИНОЛОГ 4. Нельзя кормить просто так, нужно подобрать короткое слово-кликер, например «да» после каждого правильного действия животного.

КИНОЛОГ 2. Пройдите с собакой пару метров рядом, если пес ведет себя спокойно, дайте ему награду.

КИНОЛОГ 3. Да дайте же ему уже еду!

КИНОЛОГ 4. Я не услышал кликер-слова!

КИНОЛОГ 2. Поговорите с собакой, объясните ей спокойным голосом, как Вам тяжело, когда она ведет себя так.

КИНОЛОГ 1. Тяните поводок изо всех сил на себя! Иначе пес расценит Ваше послабление как поощрение такого поведения в любых стрессовых условиях!

КИНОЛОГ 2. Продолжайте спокойно идти как ни в чем не бывало. Вы не должны демонстрировать собаке, что для Вас это стрессовая ситуация.

КИНОЛОГ3. Нет, собаку нельзя кормить сейчас! Вы закрепляете нежелательное поведение!

КИНОЛОГ 4. Поймайте точный момент, когда Вы можете использовать кликер-слово.

КИНОЛОГ 2. Поговорите с Филиппом, дайте ему понять, что все хорошо.

КИНОЛОГ 1. Навстречу идут собаки, позвольте им обнюхать его – чем больше контактов с сородичами у него будет, тем скорее он социализируется.

КИНОЛОГ 2. Знакомство с собаками нужно начинать издалека и постепенно, приближаться к ним так близко можно только когда собака готова к этому, и опыт не будет таким травматичным.

КИНОЛОГ 4. Кормите Филиппа, когда к нему подходят другие собаки, он должен ассоциативно связать их появление с приятными эмоциями.

КИНОЛОГ 3. Нет! Его надо кормить, когда другие собаки уходят!

КИНОЛОГ 2. Просто обнимите собаку и скажите, что все будет хорошо.

КИНОЛОГ 1. Обнимая Филиппа в стрессовой ситуации, Вы показываете ему, что это действительно проблема, и страх нужно по-прежнему выказывать.

КИНОЛОГ 3. Это тяжелый случай. Таких собак у меня еще не было.

КИНОЛОГ 4. Потребуется минимум полгода, чтобы добиться результата.

КИНОЛОГ 1. Потребуется минимум год, чтобы добиться результата.

КИНОЛОГ 2. Я Вам сочувствую. Я не видел ничего похожего.

Свет гаснет над всеми кроме ФИЛИППА и НИНЫ.

ФИЛИПП. День четвертый. Я выплюнул свое сердце, я нечаянно открыл рот, и оно выпрыгнуло наружу. Его нет. Его больше нет. Я не чувствую его. Я не смог его поймать. Я не уверен, что еще жив. Чудовища. Повсюду гигантские металлические гроыхающие чудовища. Самые страшные из них – автобусы, они их называют автобусы. Я сделаю все, чтобы больше никогда не выходить на улицу, потому что я больше не могу, я так больше не могу.

Свет зажигается над ПСИХОЛОГОМ.

НИНА. Я больше не могу, я так больше не могу. Моя жизнь за несколько лет превратилась в ад. Я уже на грани нервного срыва. Все катится к чертовой матери. Либо я выкину его из окна, либо выйду из него сама.

Выражение лица ФИЛИППА меняется.

ПСИХОЛОГ. Я правильно понял, что Вашу жизнь превратила в ад именно собака?

НИНА. Абсолютно! Начиная с того, что творится в моем доме: любая квартира, в которую мы переезжаем, требует ремонта спустя 2 месяца после заселения, порядок исчезает оттуда навсегда, еда, кстати, тоже, потому что этот пес научился открывать холодильник и складывать себе в живот все, что там находит.

ФИЛИПП. Но... я думал, ты складывала туда всю эту еду для меня!

НИНА. Я просто не знала, что делать, мне приходилось оставлять продукты не в холодильнике, а на нем, чтобы не остаться без ужина, но всякий раз, когда моя рассеянность меня подводила, вернувшись домой, я обнаруживала распахнутый настезь пустой холодильник, из которого веяло пустынным ветром вынужденной диеты, голодной безнадежностью ядерной зимы.

ФИЛИПП. Оттуда веяло огрызками недоеденной колбасы и остатками творожного сыра, которого я не успел долизать.

НИНА. Моей ярости не было предела.

ПСИХОЛОГ. Есть же различные замки для детей.

НИНА. Да, я использовала все возможные, над самым сложным этот собачий Эйнштейн бился месяц, прежде чем он свернул его полностью.

ФИЛИПП. О, это была крутая головоломка, то есть головоломка, головоломка тоже почему-то потом была. Я ничего не мог с собой поделаться. Когда я заметил, что после каждого открытия холодильника я получаю твое наказание, я стал работать над своей жаждой пожрать, но она не унималась. Мой живот скручивало веревкой. Ты не поверишь, но холодильник сам вырастал передо мной всякий раз по всей квартире, когда я поворачивался к нему спиной. Я избегал его как мог, но он следовал за мной по пятам. Он открывал мне то одну дверцу, то другую, поворачивался тем боком и этим; то вонял мне прямо в нос залежалым холодцом, то сладко пах мякотью свежего мяса. Меня трясло. Я кусал себя за лапы. Я говорил себе: «Она придет и будет сердиться, не смей огорчать ее! Ты должен быть хорошим мальчиком.» Но я зависим, я чертовски зависим от вонючего сыра, заплесневевшего 3 дня назад и того голубого, который ты ешь по утрам, он же из Франции как раз. А ты ведь и не догадываешься о том, что я обязан есть все французское, а эти яйца... ммм, боже, яйца, которые я вываливаю из коробки на пол и жадно слизываю языком. Потом я закусываю их хрустящей оболочкой. Даа... Нет ничего лучше этого звука: я хрумкаю, хряпаю хрупкими, хрусткими скорлупками, пока они не превратятся в пыль. Разделавшись со всеми яйцами я приступаю к коробке, ну, что поделаться, я немного несдержан, да и есть шанс, что никто не заметит, что яйца вообще были, если коробка

тоже исчезнет. Следом идут сосиски. Я разрываю упаковку и глотаю их целиком вместе с их гладкой оболочкой. Вдруг я вижу творожный сыр на верхней полке, изо всех сил пытаюсь дотянуться до нее, задеваю лапой что-то длинное, – и мне на голову падает сковородка. Вот он! Подарок с небес! Там лежат ма-ка-рооо-ны. Теперь они волнистыми мучными червями извиваются на полу, и я обливаюсь слюной всякий раз, как натыкаюсь на кусочки фарша, заботливо припрятанные между ними. Я должен убрать за собой. Томатный соус я прилежно долизываю дочиста с пола, несмотря на его остроту. Я знаю, что поможет мне смягчить это жжение на языке. С дверцы я аккуратно снимаю бутылку молока, осторожно уношу ее на диван – мне всегда было несподручно пить прямо с пола. Я долго обнимаю эту бутылку, нянчу ее, целую ее, медленно облизываю ее горлышко, с интересом наблюдаю, как исчезают капли на мягком диване. Я лежу на спине, раскинув лапы в разные стороны возле пустой бутылки, ее крышечка изжевана в мелкое сито. Живот пучит от газов, я все время рыгаю, понимаю, что зеленый понос мне обеспечен, но я счастлив.

ПСИХОЛОГ. Что ж, я понимаю, это правда сложно, многие собачники рассказывали мне про похожие проблемы...

НИНА. Нет, у них нет собак, которые боятся всего настолько, чтобы они забивались под ванну, слыша урчание в животе хозяина, а при виде медведя едва не лишались чувств.

ПСИХОЛОГ. Медведя? Как это?

*ФИЛИПП сжимается и вздрагивает при каждом последующем слове «медведь».
Свет зажигается над РУСЛАНОМ, он держит в руках большого плюшевого медведя.*

РУСЛАН. Ниночка, смотри, что я купил на последние деньги!

НИНА. Последние?

РУСЛАН (*счастливым*). Да, отвалил за него весь остаток зарплаты – не смог пройти мимо, посмотри, какой классный медведь!

ФИЛИПП напряженно смотрит на зрителя.

НИНА. Это мне?

РУСЛАН. Тебе, конечно, ты рада?

НИНА (*неуверенно*). Да, но ты помнишь, что нам платить за квартиру послезавтра?

РУСЛАН. Помню, ну, и что?

ФИЛИПП. Нам будет, где жить послезавтра? Я не очень понял.

РУСЛАН. Нина, деньги – это просто бумажки, у тебя ведь есть, чем за квартиру заплатить, а медведь такой один.

НИНА. Руслан, как ты выживал в Нью-Йорке с таким мировоззрением, я не понимаю?

РУСЛАН. Там большая часть населения с таким мировоззрением живет. Мне кажется, ты иногда забываешь, что я бросил все и вернулся в Россию ради тебя.

НИНА. Кажется, ты говорил, что у тебя там карьера не сложилась.

РУСЛАН. Это я еще не знал, как она у меня в России не сложится. Хотя ты права – в Карнеги-холле я так и не сыграл... Ну, что, я зря купил этого медведя? Ты же сама говорила, что в нашей жизни слишком мало романтики. Я решил сделать тебе романтический сюрприз.

НИНА. Спасибо, конечно, но, Руслан...

РУСЛАН. Он тебе не нравится?

ФИЛИПП. Ничего ужаснее в своей жизни не видел.

НИНА. Ну, что ты! Он очень красивый!

РУСЛАН. А еще он умеет говорить.

ФИЛИПП. Вот черт!

РУСЛАН Нажимает медведю на лапу, тот читает стихотворение:

Посидим на солнышке

И позагораем.

На нагретом бревнышке

Листья посчитаем:

Раз, два, три,

На меня смотри!

А четыре, пять – хорошо все знать.

Медведь поначалу читает детским голосом, ФИЛИПП зажимает руками уши и начинает медленно притягивать голову к коленям. Постепенно детский голос трансформируется в низкий бас, какой могло бы издавать какое-либо чудовище из фильмов-ужасов. ФИЛИПП беззвучно кричит, широко разинув рот.

НИНА. Ну, и стихотворение он читает, скажу я тебе.

РУСЛАН. Ага, и голосочек такой смешной.

ФИЛИПП. Голосочек? Да такой голосочек мог бы быть только у какого-нибудь тиранобурузавра перед тем, как он сжирает свою жертву, и, судя по голосу, этот медведь одними ягодами и орехами не обходится!

Свет гаснет над РУСЛАНОМ.

НИНА. В общем, наш сумасшедший пес страшно боялся этого медведя. (Смеется.) Я пользовалась этим, чтобы усмирить его, когда он плохо себя вел.

ПСИХОЛОГ. Угрожали расправой медведем?

ФИЛИПП закрывает руками глаза.

НИНА. Сначала я копировала интонацию медведя, чтобы напугать его. Потом поняла, что не обязательно менять голос, потому что он и так запомнил стихотворение наизусть, так что я просто проговаривала его начало: «Посидим на солнышке и позагораем». Иногда мне достаточно было сказать: «Филипп, слезь со стола, а не то медведя позову.» А со временем хватало просто трех слов: «Раз, два, три».

ФИЛИПП затыкает себе уши с разинутым ртом, лицо у него покраснелось и покрылось вздувшимися венами.

НИНА. Это было как фокус, наша семейная шутка. Жалко было беднягу, но с ним так тяжело в быту. Я не находила других способов воспитывать его.

ПСИХОЛОГ. С кинологами заниматься не пробовали?

ФИЛИПП и НИНА делают один и тот же жест отчаяния.

ПСИХОЛОГ. Значит, не зря медведь был куплен на последние деньги.

ФИЛИПП. Мало того, что этот идиотский медведь чуть не лишил меня крыши над головой, он еще и отнял у меня покой на долгие годы. Ночью Нина часто встает в туалет, в это время я спокойно сплю, в моей голове томится теплое рагу из собачьих снов, и вдруг она случайно наступает проклятому медведю на лапу, в эту же секунду он просыпается и набрасывается на меня с яростью голодного хищника. Ведь мое рагу, должно быть, очень

вкусно пахнет, и я понимаю, что это будет мой последний день, когда я сяду на это нагретое бревнышко! Да я даже позагорать там не успею – этот ужасный медведь сожрет меня с потрохами. Я видел это все в кино, там игрушки всегда очень злые, и из-за них постоянно кто-то умирает.

ПСИХОЛОГ. Хм, а знаете, я читал, что такая высокая чувствительность к звукам может быть связана с потерей слуха. Так мозг пытается компенсировать недостаток сигналов, и тихие звуки могут восприниматься как невыносимо громкие или болезненные.

НИНА. Правда? Сложно представить, что такое может быть.

ПСИХОЛОГ. А почему Вы не отдали эту собаку с такими проблемами обратно?

ФИЛИПП. Глупый ты, жалкий человечешко, что ты несешь?!

НИНА. Я не могу так поступить с ним!

ПСИХОЛОГ. Как *так* поступить? Если бы Вы отдали его прежней хозяйке, разве это было бы то же самое, как если бы Вы выставили его на улицу? Вы могли бы подыскать ему хорошие руки, если б заводчик отказался его забрать. И тем не менее Вы не стали этого делать. Почему?

ДНЕВНИК НИНЫ. 22 августа 2020 года. Он любит меня. Удивительно, как быстро у собак случается любовь! Он следует за мной по пятам по всей квартире, не упуская из вида ни на минуту. Я не могу закрыться от него ни в душе, ни в туалете – его преданный взгляд сверлит мое тело во время самых интимных процессов. Взгляд, полный подбострастного восхищения театрала в зрительном зале, экзальтированного восторга религиозного фанатика и раболепного преклонения безграмотного островитянина, который поклоняется своему идолу несколько раз в день. Он любит меня любой: вымыты у меня волосы или нет; обнажена я или одета; набрала лишних шесть килограмм или имею склонность к дистрофии; говорю сплошные глупости или читаю вслух диссертацию по астрофизике. Больше всего мне нравится проводить пальцем по центру его массивной головы и ощущать глубокую ложбинку, идущую от самого основания макушки до того местечка, где сильные мышцы приподнимают и опускают единственную бровку, прорисованную шаловливой кистью неизвестного художника. Или гладить его по ученически прилежно уложенным лапам, таким сильным и ладно скроенным, гладким как шелковый подъюбник бабушкиного платья, и в то же время по-волчьи жилистым, увенчанным широкими подушечками песочного цвета, жесткими и шероховатыми как наждачная бумага. Я люблю утыкаться в них носом, вдыхать запах кожи, ношенных носков, соли, нагретой солнцем земли и безмятежности. Если бы он мог, то носил бы меня на этих лапах, чтобы я не утруждала себя самостоятельными шагами. Он умывал бы меня своим горячим мокрым языком и причесывал холодным носом. Он променял бы всю эту беспечную собачью жизнь за один мой добрый взгляд. Он поверил мне, теперь я – центр его мироздания и ответственна за его жизнь и безопасность. Испытательный срок еще не окончен, но могу ли я предать доверие такой силы, вверенное мне в руки?

ДНЕВНИК ФИЛИППА. День пятый. Как хорошо, что она теперь есть у меня! К черту ферму, деревню, бывшую хозяйку, сестру, траву! Разве она не похожа на богиню?

Хозяйка фермы часто разговаривала с картинкой, на которой была изображена женщина с младенцем на коленях. Помню, в конце каждого такого разговора она просила ее: «И дай, пожалуйста, Филиппу побольше мозгов, а то он мне весь дом разнесет». Она говорила, что это была мать человеческого бога, и ей надо молиться, чтобы она помогала во всем. Я долго думал, где бы мне найти собачьего бога, я бы попросил его унять эти жуткие боли у

меня в голове, и я бы еще хотел быть храбрым, я хотел бы быть как все. (*Пауза. Озарение.*) Но если у собачьего бога и есть мать, то она должна быть как Нина, то она должна быть Ниной, и мне просто выпал счастливый билет, и я был усыновлен самой матерью собачьего бога! Тогда она спасет меня, и я перестану бояться!

ПСИХОЛОГ. Значит, Вы очень любили его.

НИНА. И до сих пор люблю.

ПСИХОЛОГ. Но хотите выбросить его в окно.

НИНА. Иногда.

ПСИХОЛОГ. Мне бы хотелось выяснить, какую дыру в Вашей душе Вы пытаетесь заткнуть этой собакой.

ФИЛИПП. У Нины дыра в душе? Я мог бы залатать эту дыру, у меня очень ловкие лапы, дайте мне нитку и иголку! Но чтобы мной затыкать дыру в Нине?! Да вы что, друзья, я слишком большой.

ПСИХОЛОГ. Поговорим о мужчинах?

НИНА. Если хотите.

ПСИХОЛОГ. Тот парень с медведем... Вы все еще вместе?

ФИЛИПП. Я его выдворил.

НИНА. Нет. Мы расстались лет 5 назад.

ПСИХОЛОГ. Он так и не заплатил за квартиру?

НИНА. Он – музыкант и этим все сказано.

ПСИХОЛОГ. Сложно жить с творческой личностью?

НИНА. Это даже весело иногда, но все же очень специфично. (*Думает.*) Вспомнила один забавный случай, который хорошо иллюстрирует, что это была за жизнь.

ПСИХОЛОГ. Расскажите.

Свет зажигается над РУСЛАНОМ.

НИНА. Как прошло собеседование?

РУСЛАН. Какое?

НИНА. Ну, ты же собирался устраиваться грузовым лифтером в госпиталь.

РУСЛАН. Ах, это...

НИНА. Я так и знала, тебя не взяли!

ФИЛИПП. Если бы в лифте стоял контрабас, он бы пошел туда работать бесплатно.

РУСЛАН. А вот и ошибаешься, Нина! Я, конечно, не умею ничего кроме игры на контрабасе, но ведь музыка – это вся моя жизнь. Я явился в костюме, при галстукке и встретил там много гостей из джаз-бара, которые сидели в очереди, чтобы устроиться на эту престижную работу!

НИНА. Вот как!... Что ж, грузовым лифтером повезет быть не каждому!

РУСЛАН. Именно! И представь себе, моя кандидатура подошла больше всего!

НИНА (*хлопает в ладоши*). Так у тебя, наконец, будет нормальная человеческая работа! И ты молчишь! Надо открыть шампанское!

ФИЛИПП. Теперь я буду обжираться потрохами до посинения!

РУСЛАН. Нина, во-первых, эта работа не человеческая, а собачья.

ФИЛИПП. Собачья? Я могу работать грузовым лифтером? А потроха давать будут?

РУСЛАН. Во-вторых, побереги все же шампанское для моей следующей человеческой работы.

НИНА. Как же так?

РУСЛАН. Я должен 8 часов сидеть на одном месте и поднимать и опускать чертов лифт, груженный больными, отъезжающими на тот свет и счастливо возвращающимися оттуда в случае успешной реанимации. День за днем, 8 часов кряду делать тупую и бессмысленную работу.

НИНА. Господи, только не говори, что ты отказался, потому что работа не отвечает твоим высоким интеллектуальным критериям.

ФИЛИПП. Моя богиня, не волнуйся, собачья работа – это как раз для меня: отправить людей на тот свет я смогу без труда, даже галстук можешь мне повязать.

РУСЛАН. Все дело в проклятом графике. Они мне сказали: «Мы берем Вас на работу, выходите завтра же на смену». Я спросил, во сколько надо быть, они ответили: «В полночь», – так, как будто это было чем-то само собой разумеющимся. Я говорю: «Я не понял, я думал, я буду работать с 8 утра, а вечером играть джазовые концерты». Они говорят: «С 8 утра работает дневной лифтер, а мы Вас берем на вакансию ночного лифтера». «Господа, – говорю я, – но как же так? Я пропущу так все джазовые концерты, если буду 6 дней в неделю поднимать людей с того света и опускать их обратно ногами вперед по ночам!» Они меня попытались успокоить, что у меня есть шанс работать в другую смену и очень неплохой шанс, только мне лет 10 надо подождать, пока мой предшественник сам туда не отъедет. «Какой, – говорю, – предшественник?» – «Ну, лифтер из другой смены». – «Куда он отъедет? Он планирует переехать?» – «Да нет, – говорят они, – Вы можете заступить на смену другого лифтера, когда тот помрет, ему сейчас 55, и он пока неплохо выглядит, так что лет 10, а то и больше придется потерпеть. «Что ж, – думаю я, – через 10 лет я разучусь играть на контрабасе». – «Только Вы все равно сильно не обольщайтесь, – говорят они, – когда помрет этот лифтер, Вы встанете на его вечернюю смену с 16 до полуночи, и, только проработав еще годков 5-7, и дождавшись кончины дневного лифтера, Вы попадете на график с 8 утра, как и хотели. Иерархия, понимаете ли, чехарды допускать нельзя!»

ПСИХОЛОГ. Вот это я понимаю, карьерный рост.

РУСЛАН. На всякий случай, Нина, только ради тебя я уточнил, сколько лет дневному лифтеру, чтобы понимать, на что рассчитывать. Так вот ему 51, и он проезжает 20 километров в одну сторону на велосипеде из дома на работу каждый день. Сама понимаешь, дело – дрянь.

НИНА. Может, стоит заказать дневного лифтера, и взлет по карьерной лестнице будет для всех моментальным?

ФИЛИПП. Заказать лифтера с доставкой? А зачем нам лифтер? Нам только лифтера тут не хватало.

РУСЛАН (*очень задумчиво и серьезно*). Нина, мне все равно не подходит график вечернего лифтера, все концерты начинаются не позже 9 вечера.

Они посмотрели друг на друга, поняли весь конфуз ситуации и рассмеялись.

НИНА. Ты прав, давай пока обойдемся без лишнего кровопролития, и без того проблем хватает.

Свет гаснет над РУСЛАНОМ.

НИНА (*психологу*). Спустя время мы расстались, и я полностью посвятила себя социализации Филиппа.

ДНЕВНИК НИНЫ. 29 декабря 2020 года. С каждым днем Филиппу становится все хуже и хуже, выводить его во двор больше не представляется возможным: стоит мне взять его

поводок и потянуться к дверной ручке, как он тут же справляет нужду прямо у порога. День за днем моя нервная система сдает свои позиции.

ДНЕВНИК ФИЛИППА. Зима. Я не могу выходить из дома, не могу сделать хотя бы один шаг вперед. Я вижу проклятый поводок, и темнота приклеивается к моим глазам, я слышу, как в ушах журчит вода, откуда только она берется? Может, это мои мозги утекают от меня, чтобы я перестал что-либо понимать, хотя ... я ведь верил, я и вправду верил, что мозгов у меня нет! Или это мои страхи бегут, куда глаза глядят, и я слышу топот их ног?.. Или это мои собственные мысли заливают мои уши как спущенная в унитаз вода? Журчание воды слышно уже на полу, я чувствую ее горячую струю между своих ног. О, как хорош этот момент!

ДНЕВНИК НИНЫ. Иногда я словно выхожу из своего тела и смотрю, как я кричу на него посреди подъезда и оплакиваю лужу, сверкающую золотыми бликами на кафеле и источающую острую, почти больничную вонь аммиака. Я вижу жалкую женщину, трясущуюся от гнева, ее крепко сжатые кулаки, вздутые вены на шее и лопнувшие кровеносные сосуды в глазах.

ДНЕВНИК ФИЛИППА. Кричи, кричи, я снова огорчил тебя, прости меня, я начинаю понимать многое из того, что ты говоришь, я пытаюсь сказать что-то в ответ, но ты меня не слышишь. Почему так все устроено? Мне надо научиться говорить, мне нужно что-то сделать, чтобы ты меня понимала.

ДНЕВНИК НИНЫ. Меня отрезвляет тревожный взгляд Филиппа из-под огорченно насупленных бровей, ищущий в моем зверски искаженном лице снисхождения и прощения. Его полусогнутая спина, опущенная вниз морда, поджатый зад – весь излом его внутреннего надрыва обращены ко мне с мольбой о пощаде и клятвой в вечной верности. Отлив ярости сменяется приливом тошнотворного стыда, головной боли и звона в ушах. Будто в них звучит тоненький надоедливый колокольчик.

ДНЕВНИК ФИЛИППА. Я рад, что ты обращаешь на меня внимание, если ты ругаешь меня, значит я есть, и я тебе все еще нужен. Теперь я найду прохладный темный уголок и буду тихонько лежать и ждать, мой острый слух будет ловить осторожные шаги за дверью, как только боль и страх остановятся за ней, ее ручка со скрипом повернется, и все начнется снова. Боль и страх. Больше ничего.

ДНЕВНИК НИНЫ. Я снова начинаю выть, выть пуще прежнего, но теперь уже от великой жалости, так запоздало накрывшей мою малодушную натуру, все еще не разучившуюся сострадать. А потом остаются боль и страх. Больше ничего.

ФИЛИПП. Меня никто не слышит.

НИНА. Я билась, я пыталась, я делала все, что в моих силах. Я больше так не могу.

ФИЛИПП. Что со мной не так? Научи, как все исправить, ведь я очень люблю тебя.

НИНА. Меня сводит с ума твое присутствие. Временами я просто тебя ненавижу.

ФИЛИПП. Возьми мое сердце и мои глаза и ты увидишь этот мир изнутри меня. Я боюсь. Я очень сильно боюсь.

ПСИХОЛОГ. Значит, Вы захотели посвятить себя благополучию Вашей собаки.

НИНА. Другого пути у меня не было.

ПСИХОЛОГ. Представьте, что было бы с Вашей жизнью, если бы ее определял выбор других людей, а не Ваш собственный.

НИНА. А разве наша жизнь хотя бы частично не зависит от чужих решений?

ПСИХОЛОГ. Одна из самых сложных вещей, которую необходимо признать человеку – это то, что большая часть из того, что он имеет – это последствия череды выборов, которые сделал именно он, а не кто-то другой.

ФИЛИПП. Значит, я выбираю, гнаться за чудовищами или от них? Оставаться дома или выходить оттуда? Могу ли я выбрать любить Нину или нет? Это точно невозможно, любовь к ней – это и есть я.

НИНА (*задумалась*). Однажды я сама была предметом выбора другого человека.

ПСИХОЛОГ. Как интересно Вы сказали... Предметом... Давно это было? Филипп тогда уже был с Вами?

НИНА. Да, меня увел у Руслана другой мужчина.

ПСИХОЛОГ. И при этом ощущали себя объектом его выбора?

НИНА. Да, особенно остро я прожила это ощущение в один вечер, когда он пришел ко мне в очень странном настроении.

Свет зажигается над ИГОРЕМ, который выходит на первый план. Дальнейший кусок диалога играется максимально неестественно, копируя манеру выражения эмоций в мексиканских сериалах 90-х. Это касается только НИНЫ и ИГОРЯ.

НИНА. Привет, ты где так долго пропадал?

ФИЛИПП. Лучше б ты сюда дорогу позабыл.

ИГОРЬ. Привет, милая, прости, на меня свалилась куча дел на работе, еле справляюсь.

Слушай, я так устал, приготовь мне что-нибудь, пожалуйста.

ФИЛИПП. Так и знал, что ты просто пришел пожрать.

НИНА. Конечно-конечно, я вчера испекла гречневые багеты, ты же их любишь! Еще у меня есть пирог с сыром фета и базиликом, и немного греческой лазаньи. Извини, что мало, я не знала, что ты придешь, ты ведь не предупредил.

ФИЛИПП. Моя богиня, я не понял! Я был уверен, что все это ты приготовила мне! Какого черта этот нечестивец сует свои грязные лапы в мой вкусный и сочный пирог?!

ИГОРЬ. Да, багет прямо как из дорогой хлебной лавки, а вот пирог малость суховат, но ты же любишь забывать выключить духовку вовремя. Ой, а что это у нас за отпечатки такие на плите? И на холодильнике тоже...

НИНА. Господи, я и так каждый день драю эту квартиру как безумная! Тебе действительно надо, чтобы все было идеально?

ФИЛИПП. Еще немного и ты будешь смывать эти отпечатки своим длинным языком, проклятое подобие человека.

ИГОРЬ. Да ладно-ладно, я шучу. Настя тоже всегда бесилась, когда я ей это говорил.

НИНА. Как у вас с ней? Ты сказал ей?

ИГОРЬ. Мм... Да ... Я сказал...

ФИЛИПП и НИНА (*одновременно*). Что ты ей сказал?

ИГОРЬ. Я сказал, что нам лучше расстаться.

НИНА. А она что?

ИГОРЬ. Она расплакалась, истерила как сумасшедшая, умоляла дать ей последний шанс. Да не смотри ты так на меня! У нее же рассеянный склероз, сколько раз я тебе говорил!

ФИЛИПП. Не дай собачий бог, он теперь будет жить у нас!

ИГОРЬ. Я даже немного испугался, не сделает ли она что-то с собой, восьмой этаж все-таки.

ПСИХОЛОГ. Какой сердобольный молодой человек.

ФИЛИПП. То, что БОЛЬНОЙ – это точно.

НИНА. О, господи, это и правда верх милосердия. Бедная, наверное, в следующую секунду она побежала заносить ногу за подоконник.

ИГОРЬ. Нет, она же не дура.

ФИЛИПП. А не ты ли дурак случаем?

НИНА (*дрожжа*). Игорь, я правильно поняла, что ты уходишь от нее ко мне, но при этом за тобой будет тянуться длиннющий шлейф этого шанса, когда ты будешь заходить в дом; этот шлейф будет путаться между нами в постели; из-за него не будут закрываться двери этой проклятой квартиры, которую ты заставил меня снять у черта на куличках, потому что она дешевая, хотя плачу за нее я?

ФИЛИПП. Моя богиня, давай я просто отгрызу ему этот шлейф, и ничего путаться больше не будет и мешаться тоже...

ИГОРЬ. Я всегда говорил, что тебе надо стать писателем, а не строчить эти дурацкие статьи в никому не нужном журнале!

НИНА. Не переводи темы!

ИГОРЬ. Нина, дорогая, любимая, пойми, я правда не знал, как объяснить ей все.

НИНА. Зачем что-то объяснять? Почему бы просто не сказать, что ты встретил другую?

ИГОРЬ. Ты с ума сошла! Ей нельзя волноваться, я боюсь ранить ее этим!

НИНА. Ах, да, я совсем забыла, что она – склеротик, и ее надо оберегать, как ребенка.

ИГОРЬ. Таких людей правильно называть рассеянными! Не смей принижать больного человека!

ФИЛИПП. Это я бываю рассеянным, когда забываю, где спрятал свою косточку.

НИНА. Ладно, прости. (*Пауза.*) Так у нас все в порядке?

ФИЛИПП. У меня лично не все в порядке, пока эта сволочь жрет мой пирог.

ИГОРЬ. Да, милая, я почти все уладил, ты только не волнуйся, но случилось еще кое-что, хотя это уже не имеет никакого значения.

НИНА. Господи, что еще?

ИГОРЬ. Ну, в общем, через несколько дней после того, как я ее бросил...

НИНА. Точнее дал последний шанс.

ИГОРЬ. Она узнала, что беременна.

ФИЛИПП. Твою ж мать!

НИНА. Какая прелесть, поздравляю! (*Раздраженно.*) Желаю счастья в семейной жизни. Уверена, ты будешь хорошим отцом.

ИГОРЬ. Да нет-нет, уже все, я не буду уже отцом.

ФИЛИПП. А кто тогда будет отцом?

ИГОРЬ. Вчера у нее случился выкидыш, Нина, это такой ужас, я весь день провел в больнице, она так плакала, можно я прилягу у тебя? Я чертовски устал.

ФИЛИПП. Я не понял, он стал вчера отцом или нет? И если нет, то отчего так устал?

НИНА. Ну, конечно, сейчас постелю тебе. (*С этого момента актеры начинают говорить с естественной интонацией.*) Слушай, а почему мы все это время разговариваем как герои какого-то дешевого мексиканского сериала? Ну, не бывает в жизни таких глупых ситуаций!

ИГОРЬ. Да я и сам поверить не могу, что со мной это все происходит. В детстве нам никто не объясняет, что такое взрослая жизнь. (*Обнимает Нину.*) Не волнуйся, скоро у нас все

наладится. Мы будем просыпаться каждое утро в одной постели, ты будешь готовить мне завтрак, повсюду будут ползать наши дети...

ФИЛИПП. Повсюду?

НИНА. Господи, сколько же их будет!

ИГОРЬ. Трое! Нина, я хочу минимум троих детей. Если ты несогласна, то это будет для меня весомым поводом закончить с тобой отношения, как бы сильно я тебя ни любил.

ФИЛИПП. Я не очень понял, откуда возьмутся все эти дети? Ты знаешь, я ведь панически боюсь младенцев! У меня лапы подкашиваются от одной этой мысли. Вот посмотри на меня, ну, посмотри, чем я хуже троих детей? Я и красивый, и умный и подвываю неплохо по ночам, и подгузники у меня даже есть.

НИНА. Ты хочешь троих детей, потому что вырос в многодетной семье?

ИГОРЬ. Не знаю, может, и так, я ведь все детство заботился о сестрах, пока мама целыми днями была на работе – она хотела купить нам дом. В 4 года она сказала мне, что я уже взрослый мужчина, и мне нельзя капризничать, плакать и дурачиться. Кажется, с тех пор я и вправду ни разу этого больше не делал. Она всегда говорила, что рождение ребенка – это единственный путь к бессмертию.

НИНА. Разве нет других способов оставить после себя след кроме как родить троих детей?

ИГОРЬ. Я просто не понимаю, как можно не хотеть ребенка. Я хочу, чтобы у кого-то был такой же нос, как у меня!

НИНА. Зачем тебе нужно три одинаковых носа?

ИГОРЬ. Нина, ты начинаешь меня раздражать!

НИНА. Прости, пожалуйста. Ну, так как? Ты собираешься переезжать ко мне или каков план?

ИГОРЬ. Любимая, подожди немного, я не могу бросить Настю прямо сейчас, ей нужна поддержка, и мы с ней больше не в отношениях, мы друзья.

НИНА. Знаешь, мне сегодня приснился сон, что я шла к тебе на свидание через мостик мимо цирка и увидела тебя на другой стороне улицы возле джаз-бара. Я пошла навстречу тебе, как вдруг ты превратился в огромный желтый дребезжащий автобус и направился прямо на меня. Я пыталась увернуться, хотела убежать, но ноги не слушались и проваливались под землю, как будто город тонул в болоте. Ты сбил меня с ног, и я ясно чувствовала, как мое тело податливо проминается под жерновами твоих черных колес, слышала, как ломаются кости. Ты уехал. Окровавленная, я лежала на мокром асфальте. Мне было страшно дышать. Из моего угасающего поля зрения медленно исчезали злые красные глаза задних фонарей.

ИГОРЬ. Эй, ну, что за глупости ты говоришь, разве я похож на автобус?

НИНА. Разве что вид сзади. *(Горько ухмыляется.)* И как же долго, позволь спросить, ты собираешься утешать убитую горем несостоявшуюся мать?

ИГОРЬ. Знаешь, Нина, ты начинаешь серьезно разочаровывать меня. Ты бессердечна и жестока, раз не понимаешь, какая это боль для женщины – потерять ребенка!

НИНА. А я бросила Руслана спустя месяц после знакомства с тобой...

Звонок по телефону.

ИГОРЬ. Алло, Настя, да, конечно, жду твоего сигнала. Все? Тебя отпускают? Конечно, я заберу тебя. Буду через 30 минут. Да. Обязательно. Ты только не волнуйся. Пока. *(Нине.)* Дорогая, поверь, скоро мы будем вместе, подожди немного. Я люблю тебя. Я позвоню.

Свет над ИГОРЕМ гаснет.

ФИЛИПП. Когда я держу кость во рту, больше всего я боюсь выронить ее. Я осторожно несу ее в зубах, ощущая между ними твердую, скользкую поверхность. Когда она теряет вкус и становится пустой, я без сожаления выплевываю ее. Я просто разжимаю зубы, и она мгновенно выпадает у меня изо рта. Если бы я хотел бросить ее до того, как закончил есть, то сделал бы то же самое – просто открыл бы рот и отпустил. Я бы не смог сделать этого медленно, даже если бы очень хотел. Так работает все в мире: ты бросаешь что-то, и оно уходит в ту же секунду. Нельзя отпустить что-то медленно.

ПСИХОЛОГ. Нина, давайте сейчас мы поиграем в ролевую игру. Расскажите все, что происходило, с точки зрения Игоря.

ФИЛИПП. Я как раз выучил много подходящих к этой теме слов.

НИНА. А зачем мне нужно это делать?

ПСИХОЛОГ. Хочу, чтобы Вы посмотрели на привычные вещи с его стороны.

НИНА. Может, Вы попросите меня сделать то же самое и с Филиппом?

ПСИХОЛОГ. А про Филиппа это, кстати, хорошая идея, думаю, мы придем еще к этому ближе к концу сессии.

НИНА. Безумие какое.

ПСИХОЛОГ. Вы мне доверяете?

НИНА. Я – Игорь, идиот и мудака. Мечтал усидеть на двух стульях, но не получилось, ведь я – конченый эгоист.

ПСИХОЛОГ. Погодите, в Вас сейчас говорит обида. Попробуйте серьезно подойти к задаче и сказать обо всем от его лица, как он это мог видеть, максимально близко к его мировоззрению.

НИНА (*подумав*). Я – Игорь, мне 38 лет, я 4 года живу с девушкой, старше себя на 5 лет. В последнее время у нас не очень клеились отношения. Она больна рассеянным склерозом, и я очень жалею ее, хотя скорее я жалею себя рядом с ней. Я думаю, в какой-то степени я не порвал с Настей до сих пор, чтобы не утонуть в чувстве вины. Нет, не так. Я оправдываю свое бездействие ее болезнью. В действительности мне удобно, понятно и спокойно жить с ней, есть ее обеды и ужины, к тому же я живу в ее квартире, моя-то меньше гораздо, да и ремонта там нет. Брат моей девушки часто дает мне свой автомобиль, мне не нужно ни о чем заботиться, в общем-то, жизнь удалась. Да, я познакомился с другой интересной, привлекательной женщиной, но я-то знаю, что это все вскоре тоже пройдет. К тому же, это может произойти даже быстрее, чем в прежних отношениях, так к чему менять одно на другое? Потеряв привычный образ жизни, я останусь наедине с самим собой, и мне будет неудобно, нехорошо, одиноко, странно, сложно, страшно.

ПСИХОЛОГ. Что ж, уже лучше, Нина. Какого человека Вы сейчас описали, если судить по сухим фактам?

НИНА. Слабый, нерешительный, зависимый, трусливый, паразитирующий...

ПСИХОЛОГ. Выбор такого человека действительно как-то может влиять на Вашу жизнь?

НИНА. Скорее отсутствие его выбора повлияло на мое решение расстаться с ним.

ПСИХОЛОГ. Я думаю, это Вы выбрали расставание с неподходящим Вам человеком.

Разве он близок к Вашему представлению о хорошем партнере?

НИНА. Нет, но я не сразу это поняла, я придумала себе, что он может быть моей опорой.

ПСИХОЛОГ. Видите ли, опора технически нужна мосту, построенному дому, маленькому ребенку, который неспособен позаботиться о себе, Вашей собаке, наконец, которая не выживет без Вас.

ФИЛИПП. Не проживу ни секунды!

ПСИХОЛОГ. И Вы отлично справляетесь с ролью опоры для Филиппа, Вам только надо чуточку сместить баланс в другую сторону и стать опорой для самой себя.

ФИЛИПП. Я могу быть твоей опорой, дорогая моя, божественная, кто если не я?!

НИНА. Кто, если не я?..

ДНЕВНИК НИНЫ. 15 февраля 2021 года. Он родился, чтобы мучиться или мучить меня. В минуты сильного стресса один из его зрачков сужается в точку, а второй становится очень широким. Очевидно, что кинология здесь бессильна. Было принято решение провести курс лечения человеческим трициклическим антидепрессантом, невролог назначил 6 таблеток amitriptyline в день – конская доза, а не собачья, на мой взгляд. Врач намекает, что это не предел. Я боюсь последствий, но выхода нет, надо пробовать.

ДНЕВНИК ФИЛИППА. Все еще зима. Я родился, чтобы любить ее. Мне приснился сегодня сон. Ко мне пришел настоящий собачий бог. Он выглядел как огромный черный пес с желтыми глазами. Его шерсть была всклокочена, он нависал надо мной как страшный ночной лес, в котором я заблудился. Собачий бог сказал, что может выполнить мое желание, но выбрать мне нужно только одно. Позабыв о потрохах, своей мечте стать смелым, о том, чтобы прошла боль в моей голове, я закричал, что хочу, чтобы Нина понимала и слышала меня. Я хотел бы сказать ей о своей любви и о своем страхе. В ответ собачий бог расхохотался: «Дурень, ты и вправду думаешь, что она не знает об этом?» Я понурил голову. Он внимательно посмотрел на меня и прорычал: «Ты сможешь сказать ей все, что хочешь, но в конце пути тебя ждет безумие, ты согласен?» «Да», – выпалил я и проснулся.

ДНЕВНИК НИНЫ. 30 марта 2021 года. В некоторой степени таблетки изменили ситуацию: Филипп теперь может хотя бы справлять нужду на улице. Я решила, что amitriptyline будет полезен и мне: выпиваю 1.5 таблетки, выхожу с псом из дома, и мне абсолютно все равно, что происходит. Мне приходится мысленно повторять себе, что в моих руках поводок, к поводку прикреплена одуревшая собака, а самой мне нужно дождаться зеленого светофора, чтобы нас не переехал автобус. Но даже если бы это случилось, я бы не сильно расстроилась. (*Странно улыбается.*) Прохожие провожают нас ошарашенными взглядами: наркоманка и чокнутая собака лавируют между машин в тщетной попытке перейти дорогу. Пес, по всей видимости, тоже пьян, потому что двигается резкими зигзагами в бесконечной попытке самоубиться под проезжающими мимо авто. Хоть мы и нашли какую-то опору в медикаментах, думаю, с amitriptyline нам обоим надо заканчивать.

ДНЕВНИК ФИЛИППА. Весна. С некоторых пор я стал хуже соображать. Помнится, вроде бы дурачкам и без того полагается не думать, но вести дневник стало значительно труднее. Мне так хочется однажды все ей рассказать, я не перестаю учить слова, смотреть на движения, на взгляды, на прикосновения, на то, как люди объясняют что-то друг другу, но я теряю надежду, потому что даже они, зная один и тот же язык, совсем не понимают друг друга. Моя богиня все еще далека от меня! Я беспомощно заглядываю в ее глаза, пытаюсь найти в них ответы на свои вопросы, но в них пустота. Раньше у нее был только я, и больше ничего. А сейчас кажется, что ничего – это все, что у нее есть.

НИНА. Летом того же года я решила перевезти Филиппа за город. Это была моя последняя надежда на то, что побег от стресса большого города поможет моей собаке выздороветь. Мы сняли небольшой гостевой домик на просторном участке в 50 километрах к северу от города. Но там еще жили близняшки 11-ти лет. Я надеялась, что они не будут создавать для нас двойной проблемы.

ФИЛИПП. Это еще моя лохматая бабушка надвое сказала. Это был удвоенный кошмар: запах потных детских ручек, пластилина, засохших на платье леденцов, грязных разводов слез на лице, слипшихся конфет...

НИНА. Весной следующего года нам пришлось съехать и вернуться в город, и начался сплошной ад. Дом, в котором мы сняли квартиру, охранялся консьержками.

ФИЛИПП. Старые кошелки. Запах нестираных подштанников, лака для волос, нафталина, просроченных духов, вонь лука, исходящая от их сморщенных ладоней – это запах моего кошмарного сна, их голоса издавали скрип, от которого я каменел. Это как голос смерти.

НИНА. Этим женщинам было дело до всего, что происходило у жильцов. У Филиппа наступило сильное ухудшение в городской среде. Он мочился во дворе от страха выходить за черные мрачные ворота дома, меня заставляли мыть асфальт с мылом, и это стало уже ежедневным ритуалом.

ФИЛИПП. Я столько раз кричал тебе о том, что мы можем быть счастливы, только не выходя из дома. Мой крик нем, но его можно потрогать, кричат мои глаза, кричит мой беззвучный голос, кричит мое напряженное тело, кричит моя безмолвно открытая пасть. Мой крик нем, но он так громок при этом... Но ты... Только ты меня и не слышишь.

ДНЕВНИК НИНЫ. 10 сентября 2023 года. У него самая милая улыбка на свете. Ни одно человеческое чадо неспособно соорудить на своем лице такую клоунскую гримасу, как это делает Филипп, когда он радуется. Его ребячливость переплунет восторг любого малыша, только что скатившегося с горки на ватрушке. Его счастливая физиономия воздействует на мое сердце как жар сковородки на кусочек сливочного масла. Я люблю его. Пусть это и похоже на совершенное безумие. Я действительно люблю его, иначе как бы я могла все это выносить? Я могу черпать его любовь ложками, я могу наслаждаться ею и согреваться ее пульсирующими волнами, я могу уходить под ее тревожные воды, захлебываясь в них, с трудом выплывая на поверхность. Я питаюсь ею, я насыщаюсь ею, я пресыщаюсь ею... Порой до тошноты. Когда я мастурбирую, он тут же начинает заводиться, взгромождается ко мне на кровать и горячо дышит, размахивая мокрой простыней своего языка перед моим носом и вперив свои выпученные глаза в мое искаженное от незавершенного оргазма лицо. Я сталкиваю его с постели и истошно кричу: «Да выйди же ты скорее из комнаты хоть ненадолго! Неужели я даже удовлетворить себя не могу в одиночестве?!» Он виновато опускает морду, от чего его и без того некороткий нос значительно удлиняется, посылает в меня нежную телеграмму своего осторожного взгляда исподлобья и печально удаляется. Спустя минуту, я нахожу его лежащим на полу. Я ложусь рядом и обнимаю его, утопая в его шерсти, мягкой как пуховка в старинной пудренице. Моя щека лежит у него на животе, он надувается и опускается под поршнем его глубокого дыхания. Спи, собачий мудрец, сам Господь не простил бы мне тяжести моих вольных и невольных прегрешений, а ты сможешь сделать это с легкостью, потому что ты – просто пес.

Действие второе.

Меняются стулья в декорации, ФИЛИПП восседает сверху над всеми на огромном стуле, остальные актеры – ютятся на крошечных стульях. Порядок расположения стульев в остальном остается без изменений.

ФИЛИПП. Осень. Теперь есть только она и я, больше никого. Я выдрал когтями весь остальной мир из нашей жизни. Мы остались одни. Где бы мы ни были, все, что у нас есть – это четыре стены и крыша над головой. Большого нам не надо. Мы перестали бороться, и счастье подошло так близко.

НИНА. После семи переездов, после бесконечных мытарств по кинологам, ветеринарам-неврологам, пяти сломанных холодильников, трех растяжений сухожилий на пальцах от поводка я погрузилась в вакуум социальной изоляции. У меня не было сил. Я кастрировала Филиппа, закрылась с ним в квартире, жизнь переливалась из пустого в порожнее, а мы оба медленно сходили с ума.

ПСИХОЛОГ. Вы отомстили ему кастрацией?

НИНА. Да нет, какая тут месть, этот находчивый пес – единственный в мире, кто умеет мастурбировать обеими лапами.

ПСИХОЛОГ. Обеими лапами? Что Вы говорите?..

ФИЛИПП. Я мог бы написать научный трактат по онанизму.

НИНА. Да, представляете, он чудесным образом нашел такую позицию, при которой его лапы ложатся под животом до самого низа и там...

ПСИХОЛОГ. Я понял.

НИНА. Что ж, по совету ветеринара пришлось его кастрировать.

ПСИХОЛОГ. Бедняга.

НИНА. Но к нашему изумлению, это не помогло, и мастурбация двумя лапами не прекратилась, а лишь только усилилась, так что мне даже стало жаль отрезанных понапрасну яиц.

ФИЛИПП. Чтоо? Это что значит? Это когда было? Это вообще законно? Я... Я не понял...

Там что, пусто? (Пауза. Трагично.) Если бы я мог похоронить их, я бы сделал это с почестями. В жизни так много страшных вещей, столько ужасов и волнений... Если забрать любовь и удовольствие, что у нас останется?

НИНА. Еще я начала замечать, что он стал понимать много слов.

ПСИХОЛОГ. Похоже, ваш пес действительно очень умен. Говорят, у собак интеллект соответствует развитию трех- или даже пятилетнего ребенка.

ФИЛИПП. Чтоо? Это кто сказал такую нелепость?! Трехлетний ребенок разве может сочинить трактат по онанизму?!

НИНА. Что касается меня, то я прекратила встречи с друзьями, перестала звонить маме. Работая из дома, я не выходила оттуда неделями.

ПСИХОЛОГ. Так Вы кастрировали не только своего пса, но и себя.

НИНА. Не думаю, что это можно так назвать...

ПСИХОЛОГ. Мужчин у Вас тоже не было в этот период?

НИНА. Изредка я встречалась с одним парнем, общение с которым добавляло к моей отшельнической жизни странноватый привкус сюрреализма, но это даже отношениями нельзя было назвать – он был тогда слишком молод.

ПСИХОЛОГ. Сюрреализм в отношениях Вам было проживать как будто бы не впервой. Вам действительно хотелось быть в изоляции тогда или это была вынужденная мера? Как Вы справлялись с этим?

НИНА. Когда реальность, в которой я существовала, начала душить меня, сдуру я пошла играть в рулетку сайта знакомств. Я хотела позволить себе определенную степень свободы, но когда я стала читать анкеты мужчин...

Актеры, которые играют РУСЛАНА, ИГОРЯ И ДЕНИСА читают анкеты по очереди.

Алексей (35 лет). Не курю. О целях: не цель определяет знакомство, а знакомство – цель. Мастер спорта по виртуальному одноразовому общению, реальной встрече предпочту сходить в качалку или посмотреть аниме. Фотки старые, даже не вспомню, какого года. Если ты все еще собираешься свайпнуть вправо, блин, да что с тобой не так?

Корешок (39 лет). Мама говорит, что мне пора найти себе девушку. Если ты беспринципная и любишь, когда мужик – тряпка, ты точно по адресу. Первое свидание проведем строго в падики с сиськой пива. Обзаведемся грызунами, я буду пахать на заводе до одури, потом напиваться и разукрашивать тебя до синяков. Жми лайк, это твой счастливый билетик в веселую жизнь, полную аттракционов.

Павел (43 года). Имею диплом по философии, работаю кладовщиком. Я хотел бы предложить Вам почитать на ночь неизданные главы И. Бунина из «Темных аллей».

Влад (32 года). Я – вегетерианец и не могу выносить, когда девушка поедает живых существ у меня на глазах, а еще, если ты веришь в Бога, нам не по пути, потому что все верующие – глупые люди, которые наделены ограниченным мышлением.

Миша. 29 лет. 22 сантиметра.

НИНА. Со временем я стала понимать, что пыталась заменить любовь человеческую собачьей преданностью.

ФИЛИПП. Преданность собаки много выше человеческой любви, ты слышишь меня?

ПСИХОЛОГ. Для чего Вам нужна любовь?

НИНА. А что, можно жить без неё?

ФИЛИПП. А нужна ли чья-то ещё, если есть моя?

ПСИХОЛОГ. Любовь безусловно нужна всем. Но будете ли Вы любить себя меньше, если Вас никто не будет любить?

НИНА. Если меня никто не будет любить, я буду сомневаться в себе ещё больше.

ФИЛИПП. Разве может богиня сомневаться в себе?

ПСИХОЛОГ. Кому принадлежит Ваша жизнь, Нина?

НИНА. Мне.

ПСИХОЛОГ. Почему мнение других людей тогда для Вас так важно?

НИНА. Я боюсь. Я очень сильно боюсь остаться одна.

ФИЛИПП. Но ведь у тебя есть я!

ПСИХОЛОГ. Быть одной — это быть в компании с самой собой, не правда ли? Ваша компания так плоха для Вас?

НИНА. Мне страшно в этой пустоте.

ПСИХОЛОГ. Чем любовь других людей заполняет эту пустоту?

НИНА. Ощущением безопасности.

ПСИХОЛОГ. Правильно ли я понял, что Вам небезопасно с самой собой? (Пауза.) Что такое любовь для Вас, Нина?

НИНА. Любовь – это когда тебя слышат.

ФИЛИПП. Меня никто не слышит... меня никто не любит?

ПСИХОЛОГ. Много людей любят Вас, как Вам кажется?

НИНА. Боюсь, что... я не рассталась с Филиппом, потому что меня не любит никто кроме него.

ФИЛИПП. Никто не любит как я!

ПСИХОЛОГ. Никто не любит или никто не слышит?

НИНА. И не слышит тоже, конечно.

ПСИХОЛОГ. Расскажите, как Вы это ощущаете.

Свет зажигается над ДЕНИСОМ.

ДЕНИС подходит к НИНЕ со своего места и целует ее в щеку.

ДЕНИС. Я бы поцеловал тебя сейчас по-другому, если бы мы не стояли посреди перекрестка.

НИНА. Тогда мы улучим еще момент, чтобы это исправить. Давай прогуляемся.

Оба обходят свои места и возвращаются в центр сцены.

Оба одновременно. Как дела?

Смеются. Пауза.

НИНА. На прошлой неделе я впервые за 8 месяцев вышла в свет и сходила на спектакль, который получил «Золотую маску».

ДЕНИС. Какой?

НИНА. «Левушка».

ДЕНИС. И как тебе?

НИНА. Ну ... В двух словах так не сказать... Мне кажется, что это важно, когда зритель испытывает в конце что-то вроде катарсиса.

ДЕНИС *(показывает пальцем куда-то наверх)*. Смотри, смотри, Сатурн висит, клево!

ФИЛИПП. Где?

НИНА удивленно смотрит на ДЕНИСА.

ДЕНИС. Город украсили к Новому Году. *(Пауза.)* Издержки отношений с парнем моложе тебя на 10 лет.

НИНА. В общем, мне кажется, у меня катарсиса не возникло, потому что...

ДЕНИС. А у меня такой день был! Ты даже не представляешь! Мы репетировали «Гамлета», потом у меня была проба в «Коварство и любовь», потом читка одной новой пьесы...

НИНА. ... а еще там летал дрон по сцене, а из чемодана выстреливали лифчики... *(Долгая пауза.)* Так и что у тебя в театре? Значит, вы начали работу над новой пьесой, да?

ДЕНИС *(взахлеб)*. Да, я читал сначала за одного персонажа, потом за другого, мы пробовали играть лежа, стоя, сидя, материал очень хороший.

НИНА. А помнишь, как мы случайно закрылись в моем недостроенном доме на озере, и чуть не выломали окно, чтобы выбраться наружу среди ночи?

ДЕНИС. Есть такие воспоминания, которых не вырезать из памяти.

Обмениваются многозначительными взглядами, каждый улыбается про себя. Она берет его за руку. Они близки. Она гладит его по волосам. Он борется между желанием поцеловать ее и бежать прочь.

НИНА. Я соскучилась.

ДЕНИС. Я тоже.

НИНА. Денис, поехали уже, наконец, ко мне домой, ты же обещал.

ДЕНИС. Ой, слушай, у меня контейнер для линз дома, зубной щетки с собой нет, носков тоже...

НИНА. Ты что там надумал себе? Что сущность внутри меня сожрет тебя?

ДЕНИС. Может, я не тебя боюсь.

ФИЛИПП. Не тебя, богиня, а меня, конечно. Уж я сожрал бы его так, что носков точно бы не осталось, и контейнер бы не пригодился.

НИНА. Ты просто не хочешь ко мне ехать.

ДЕНИС. Я буду всеми силами стараться никогда не попадать к тебе домой. Понимаешь, мне надо, чтобы отношения были навсегда, я не хочу ничего временного. Мои родители прожили вместе всю жизнь.

НИНА. Да, но насколько я помню, они живут сейчас отдельно друг от друга.

ДЕНИС. Это временно, пока папа в очередном запое.

НИНА. Ты рассказывал, что он в пьяной горячке бил твою маму, тебя и Машу...

ДЕНИС. Нина, это гнусно с твоей стороны указывать мне сейчас на это. Я прекрасно помню, каково это жить в страхе за себя и сестру, и такого у меня не будет. С отцом я не разговариваю уже полгода.

НИНА. Прости, пожалуйста, я не хотела этого говорить.

ДЕНИС. Мне тут девушка написала незнакомая, попросила проходку, я с ней завтра встречаюсь.

НИНА. Проходку отдать?

ДЕНИС. Да нет у меня никаких проходок сейчас.

НИНА. Так у тебя свидание?

ДЕНИС. Хочу посмотреть, что это за девица.

НИНА. На следующий день ты позвонил мне, чтобы сообщить, что девица тебе не понравилась. Мне тут психолог дал задачу говорить с партнером, которого сейчас со мной нет. Тогда я тебе не сказала, что у меня даже сил не было из постели вылезти. Но все же я пришла.

ДЕНИС. А еще я маме звонил и говорил с ней целых 40 минут, она уговаривала меня все это время пригласить отца на спектакль. Ты знаешь, я так люблю ее, что когда приезжаю к ней в гости, ночью я ложусь к ней в кровать, целую ее ногу, беру ее за руку и засыпаю.

НИНА. За все эти годы я растворилась как личность, превратилась в *падаль*. Там рядом с тобой была уже не я. И об этом ты тоже так и не узнал.

ДЕНИС. А еще я ходил в кино с бывшей девушкой, утром она прочитала переписку с другой и устроила жуткий скандал. Она мне написала возмущенное письмо в духе Достоевского.

НИНА, ПСИХОЛОГ, ФИЛИПП бросают на него дикий взгляд.

ДЕНИС. Да, я могу спать с бывшими, потому что уже был с ними, и это не считается.

НИНА. Зато ты не можешь спать со мной! У нас даже секса никогда не было!

ДЕНИС. У меня на тебя не стоит, потому что я тебя не люблю.

ПСИХОЛОГ. Не знал, что эти вещи должны быть связаны.

ФИЛИПП (*протяжно и удовлетворенно*). У меня связаны.

НИНА. Это потому что я недостаточно хороша?

ДЕНИС. Ну, почему, у тебя шикарное тело! Хотя... Здесь я бы немного подправил.

Понимаешь, Нина, любовь – это когда от запаха человека сносит башку, когда вы не

можете сдержаться и трахаетесь прямо в туалете закуской. (Пауза.) А у нас с тобой не так.

НИНА. Конечно, не так, мы даже в закуской ни разу не были.

ДЕНИС. Вся проблема в том, что я никак не могу встретить кого-то, кто по-настоящему понравился бы мне.

ФИЛИПП. Вся проблема в том, что Нина никак не может встретить кого-то, кто по-настоящему понравился бы мне!

ДЕНИС. Вот мне сейчас надо сыграть любовь к женщине, а мне неоткуда даже взять нужного образа. Режиссер сказал, что возьмет другого актера на эту роль, если я не буду достаточно убедителен. Он объявил в прошлой раз о замене по громкой связи на весь театр. А я просто пошел есть суп в столовую, кажется, это был самый невкусный суп в моей жизни.

НИНА. Завтра ко мне придет Миша, я скажу ему, что он может делать со мной все, что захочет, я буду с ним трахаться, а ты можешь есть свой невкусный суп дальше, хотя...
Отношения с вами обоими – это как мастурбация обеими лапами.

ДЕНИС. Мастурбация лапами? Нина, ты в себе? И что еще за Миша? Откуда он взялся вообще?

НИНА. Я как дура все еще на что-то надеюсь. Зачем?

ДЕНИС. Значит, Миша, да? Теперь у нас Миша есть, надо же!

НИНА (глядит ДЕНИСА по плечу). Ну, перестань, это несерьезно все. Я вообще его ни разу не видела.

ДЕНИС. Да это все неважно, это не мое дело. Извини. Как дела с твоим переездом? Как работа?

НИНА. Зачем разговаривать с человеком, которого тебе неинтересно слушать?

ДЕНИС (задумчиво). Какая хорошая фраза... Надо запомнить. Действительно, зачем?

ФИЛИПП. Rappelez-vous l'objet que nous vîmes, mon âme, ***

Ce beau matin d'été si doux:

Au détour d'un sentier une charogne infâme

Sur un lit semé de cailloux,

ДЕНИС. Нина, но я всегда слушаю тебя. Тыставляешь меня каким-то чудовищем!

НИНА. Всегда слушаешь?

ДЕНИС. Ну, за редким исключением, может быть, когда ты о каких-то незначительных вещах говоришь.

ФИЛИПП. Oui! telle vous serez, ô la reine des grâces, ***

Après les derniers sacrements,

Quand vous irez, sous l'herbe et les floraisons grasses,

Moisir parmi les ossements.

НИНА. Ну, хорошо. Тогда ответь мне на один вопрос: где живет мой папа?

ДЕНИС (похолодев). Нина, ну, ты чего?

НИНА. Ну, скажи просто, скажи мне, где живет мой папа. Я точно помню, что говорила это тебе.

ДЕНИС. Нина, ну... Нина, я ведь знаю, я прекрасно знаю!

Пауза.

НИНА. Значит, ты правда помнишь?

ДЕНИС. Ну, конечно! Как ты вообще можешь так думать обо мне? Я не понимаю.

НИНА (*неуверенно*). Но ты и вправду часто совсем не слушаешь меня...

ФИЛИПП. Alors, ô ma beauté! dites à la vermine***

Qui vous mangera de baisers,
Que j'ai gardé la forme et l'essence divine
De mes amours décomposés!

ДЕНИС. Ну, хорошо, давай так. Я тебе сейчас скажу, где живет твой папа, и ты больше никогда не будешь обвинять меня в том, что я тебя не слушаю.

Долгая пауза. НИНА близка к тому, чтобы заплакать.

ДЕНИС. Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один...

НИНА. Ну, хорошо, давай, скажи.

ДЕНИС. А все, упустила момент, время истекло, поздно уже!

НИНА. Вернемся в машину? Куда ты хочешь поехать?

ДЕНИС. Давай доедем до собора, купим там глинтвейна, будем гулять, держась за руки, и целоваться.

НИНА. погоди, я забыла кое-что купить, одну минуту.

НИНА уходит. НИНА возвращается с огнетушителем в руках.

ДЕНИС. Нина, ты какая-то странная в последнее время. Зачем тебе огнетушитель?

НИНА. Чтобы погасить огонь нашей страсти.

ДЕНИС (*серьезно*). Каждый раз, когда я смотрю на тебя, мне становится обидно за нас. (*Пауза.*) Нина, мне очень стыдно перед тобой, правда.

НИНА. Что ты опять натворил?

ДЕНИС. Мне очень стыдно, но я правда не помню, где живет твой папа...

НИНА начинает хохотать, через минуту ее хохот переходит в рыдания.

Свет над ДЕНИСОМ гаснет. Свет зажигается над МАМОЙ. Раздается телефонный звонок.

МАМА. Алло, Нина.

НИНА. Да, мам, привет.

МАМА. Что делаешь?

НИНА. Я у психолога, мама, что-то срочное?

МАМА. А зачем тебе психолог нужен? У тебя что, проблемы есть?

НИНА. Ну, наверное, есть, раз хожу.

МАМА. Зачем ты зря тратишь деньги на этих психологов? Если тебе плохо, сходи в больницу, и пусть тебе пропишут таблетки.

НИНА. Но я не хочу принимать таблеток, я хочу обойтись без них.

МАМА. Чем тебе должен помочь психолог? Тут и так все ясно: у тебя несчастливая личная жизнь, оттуда и все проблемы. Кроме того, ты ждешь как ребенок, когда все сделают за тебя.

НИНА. Мама, ты за всю жизнь не решила и четверти тех проблем, что уладила я. И перестань зацикливаться на моей личной жизни, ты же знаешь, я не хочу выходить замуж.

МАМА. Конечно, ведь замужем тебе очень тяжело будет, ты же не привыкла о ком-то заботиться.

НИНА. Почему ты так решила? И вообще, почему ты о мужчине говоришь как о ребенке?

МАМА. Нина, в хорошем браке жена должна вставать утром раньше мужа, чтобы у него уже был приготовлен завтрак. Кроме того, ей следует собирать ему вещи на работу

накануне вечером, у него должен висеть на стуле полностью отглаженный костюм и отстиранные рубашки, стирать их, кстати, надо руками, а не в машинке.

НИНА. Мама, так никто не делает. Это какой-то домострой. И что значит должна? А он мне что должен? Из нас двоих ему одному рано на работу надо будет?

МАМА. Я говорю тебе о том, как должно быть, и что такое счастливый брак, ты делай, как хочешь, но не спорь со мной, все так живут.

НИНА. А откуда тебе это знать, если ты в браке была всего 2 месяца?

МАМА. Я в браке была 6 месяцев, мы жили вместе с твоим папашей 2 месяца, потом я выгнала этого скота из дома за бесконечную пьянку, которая и свела его в могилу.

НИНА. Ну, так а ты все эти 2 месяца делала все то, о чем говоришь? Стирала воротнички и готовила борщи каждый день?

МАМА. Конечно, делала!

НИНА. Что-то это не способствовало сохранению счастливого брака.

МАМА. Ну, какой счастливый брак мог быть с твоим папашей? Ты забыла, каким безразличным подонком он был?

НИНА. Я этого не знаю, я его видела в последний раз, когда мне еще не было года.

МАМА. Я же говорила тебе, что он никогда не интересовался твоей жизнью за все годы твоего детства.

НИНА. Mam, давай закроем эту тему.

МАМА. А почему ты меня затыкаешь? Послушай, я давно хотела тебе сказать: не завести ли тебе ребенка для себя?

НИНА. Спасибо, я не хочу, чтобы у кого-то был мой нос.

МАМА. Что за бред ты говоришь, вот если ты родишь, к примеру, от Игоря, у ребенка будет его нос.

НИНА. Не ты одна хочешь, чтобы его нос был повторен в ком-то неоднократно. Я вообще-то рассталась с ним давным-давно.

МАМА. Я знаю, что он звонит тебе до сих пор. Детей надо рожать от красивых мужчин, а он как раз такой.

НИНА. Особенно его нос. Мама, мне кажется, или тебе Игорь не нравился?

МАМА. Я поменяла свое мнение о нем после того, как узнала, что он дал тебе 5 тысяч на парикмахерскую, мне ни один мужик сроду столько денег не давал. Кстати, у тебя не будет немного денежек для меня?

НИНА. Нет, извини, я смогу дать только в следующем месяце.

МАМА (*агрессивно*). А куда же делись твои деньги на обещанные мне сапоги?! Сдулись что ли?

НИНА (*тихо*). Мама, пока.

Свет над МАМОЙ гаснет.

Максимально эмоциональная форма диалога с открытой эмоцией:

ФИЛИПП. Меня никто не слышит.

НИНА. Я билась, я пыталась, я делала все, что в моих силах! Я больше так не могу!

ФИЛИПП. Что со мной не так?! Научи, как все исправить, ведь я очень люблю тебя!

НИНА. Меня сводит с ума твое присутствие!! Временами я просто тебя ненавижу!!

ФИЛИПП. Возьми мое сердце и мои глаза и ты увидишь этот мир изнутри меня!!! Я боюсь!!! Я очень сильно боюсь!!!

ДНЕВНИК НИНЫ. 20 июня 2025 года. Его услужливость безгранична. Он готов разбиться в лепешку, выполняя команду «умри» и падает на пол мгновенно, даже когда ему некуда девать голову. Так и остается она лежать на боку, прижатая к стене в неудобной позе. Собственно говоря, все так и бывает в жизни. Разве кто-нибудь умирает в удобной позе? Умри! Действительно, когда я пришла сегодня после очередной прогулки с растерзанными руками, с сорванным наполовину ногтем и содранной кожей с ладоней, я вдруг взмолилась: «Господи, сделай, пожалуйста, так, чтобы он умер.» Искренность, чистосердечность и жажда скорейшего исполнения моей мольбы были так велики, что через мгновение меня поглотила тьма страха. Я готова была опустить гильотину этого проклятья себе на голову, я с радостью глотала бы острые мечи этой горькой молитвы и прижгла бы свой собственный язык каленым железом этих черных слов, лишь бы не захлебнуться от сожаления, видя, как он умирает у меня на руках. С другой стороны, мысль о том, что мне предстоит жить в этом аду еще 8-10 лет парализовывала меня так, что я сама едва чувствовала, что еще существую. Я уже давно не живу своей жизнью, полной маленьких невинных радостей и волнений, я заменила его жизнью своей. Там на улице, охваченная яростью, я ударила его по спине поводком так сильно, что он издал глухой протяжный стон. Ударив его, я хлестнула одновременно и себя, снеся лоскут кожи с большого пальца левой руки. Я наказываю себя за злость на него, я наказываю себя за свой выбор жить с ним, я наказываю себя им самим – одному Богу известно, за какие грехи.

ДНЕВНИК ФИЛИППА. Лето. Если бы мне нужно было умереть, чтобы сделать ее более счастливой, я бы с радостью принял смерть без единого сомнения. Как можно сожалеть о потерянной жизни, которая так ничтожна, если в тот момент, когда она оборвется, моя богиня будет улыбаться? Я мог бы разбиться в лепешку, если бы она только повелела. Я открыл бы грудь для удара мечом, подставил голову под гильотину, будь она палачом, и позволил бы прижечь себе язык, подыхая с глупой ухмылкой на морде от одной мысли, что теперь она счастлива. Бей меня, режь меня, я отдаю свою жизнь в руки твои и смиренно жду твоей воли. Я готов слизывать яд с твоих теплых ладоней, и даже самая смертоносная отравка будет сладкой, если она льется из твоих любимых рук. Ты – земля, ты – небо, ты – воздух, ты – вода, ты – огонь, в гневе которого я готов сгореть заживо, ты – весь мир.

Будущее.

НИНА. Я решила уехать в отпуск в Великобританию. Если бы я не сбежала из дома, я бы просто сошла с ума. Я помню его глаза, когда над его головой захлопывалась крышка багажника, в них был страх ребенка, которого отнимают от груди матери. Дитя собачье. Его повезли в зоогостиницу за городом. Наша первая разлука.

ФИЛИПП. Я смотрел на нее сквозь грязное стекло автомобиля, - теперь я знаю, как он называется. Ее тоненькая фигурка становилась очень маленькой. Наверное, она пыталась меня догнать, ведь ее не пустили в машину. Мне надо запомнить путь домой, чтобы вернуться.

НИНА. Я лежала на песке на берегу Темзы, прислушивалась к шуму воды, гудению лондонской суеты и думала о том, что больше никогда не ударю его и не пожелаю ему смерти. Я вернусь к нему и буду терпеливо любить его как раньше.

ФИЛИПП. Мне отвели место в маленькой кабине в большом дворе, поросшем яблонями, повсюду незнакомые люди, предметы, собаки, чужие запахи, страшные незнакомые звуки.

Двор окружает высокий глухой забор, и я не могу бежать отсюда. Я перестал испытывать голод и жажду.

НИНА. В день вылета я заблудилась в поисках почтового ящика, чтобы отправить открытки, я опоздала на самолет. Мне так хорошо быть далеко от дома. Прости меня, мой добрый пес, мне очень стыдно, что я не нашла в себе сил вернуться.

ФИЛИПП. Я пишу тебе мысленно письма каждый день. Я шлю их во все уголки мира вместе с лучами апельсинового солнца. Я часто находил дома на столе апельсины и всегда думал, что это солнечные щенята. Я вижу тебя во сне. Искры твоего голоса ложатся на моем носу бликами теплого света, цвет твоих волос пахнет горьковатым медом цветущего донника, твой запах шумит в моих ушах как легкий ветер в печной трубе дома, где безопасно и уютно. Я не удивлен, ведь ты и есть мой дом.

НИНА. Если бы ты мог писать, ты бы слал мне письма несколько раз в день, как Сирано. Если бы ты умел читать, я бы написала в ответном письме, что мне бесконечно жаль, что ты так болен. Ты – моя бедная птичка, запертая в клетке собственного безумия, мой маленький Дон Кихот, который борется с ветряными мельницами. Я знаю, как тяжело дается тебе существование в этом огромном неприветливом мире безразличных людей, бессердечных машин, беззвучного вакуума оглушительного одиночества, бездушного скрежета металлических конструкций современного мегаполиса, бестолковой громкости городского хаоса. Я купила новый билет на послезавтра, мой добрый пес, дождись меня.

ФИЛИПП. Я проснулся на рассвете. Меня сильно тошнит. Я отказался от еды в очередной раз. Я лежу в тени, стараюсь не двигаться и беречь силы, но мне трудно дышать. Я вижу их. Они идут ко мне. Они накроют меня, они сожрут меня и унесут в своих черных животах. Я обескровлен. Но я готов, и мне не страшно, мне больше не страшно. Страха нет! Свет! Куда исчезло солнце? Я не вижу, я больше ничего не вижу. Мир погрузился во тьму. Я в темноте. Я забыл свое имя, но все еще помню твое.

ПСИХОЛОГ. Каким Вы помните свое детство?

НИНА. Я выросла в окружении прекрасных женщин, которых боготворила моя мать, они повсюду висели на стенах и своей немислимой красотой служили немым укором моей внешней посредственности.

ПСИХОЛОГ. Почему Вы думали, что посредственны внешне?

НИНА. Мама намекнула. В детстве мне казалось, что постеры актрис, певиц и моделей высокомерно смотрели на меня с высоты стен, морщили свои бумажные лбы, надували свои напечатанные в типографии губы и уничтожали взглядом глянцевых глаз. *(Пауза.)* Мой отец никогда не любил меня. По-моему, он вообще ко мне никогда ничего не чувствовал.

ПСИХОЛОГ. Думаете, существуют люди, которые ничего не чувствуют?

НИНА *(медлит с ответом)*. У него мне этого уже не узнать, но в подтверждение моих слов могу сказать, что единственным подарком от него за всю жизнь был огромный белый плюшевый медведь, который был больше меня в 3 раза.

ПСИХОЛОГ. И Вы, наверное, очень боялись его?

НИНА. Откуда Вы знаете?

ПСИХОЛОГ. Каково это – не знать своего отца?

НИНА. Я помню, как в 6 лет была в гостях у своей подруги. Была зима, мы играли во дворе. Ее отец учил нас кататься на лыжах. Вдруг в какой-то момент он подхватил мою

подругу и начал подбрасывать ее в воздухе, он перекидывал ее из одной руки в другую словно тряпичную куклу, а она весело визжала и хохотала. Я стояла и смотрела на них снизу, понимая, что страшно завидую ей в эту минуту. Ведь у меня такого никогда не было. Внезапно он поставил ее на землю и начал так же подбрасывать меня. Я летала в воздухе и успевала только ощутить, как мои ноги по очереди подхватываются его сильными руками. Я была абсолютно счастлива и... благодарна, потому что он ПОНЯЛ, что мне это тоже нужно.

ПСИХОЛОГ. Скажите себе, той маленькой шестилетней девочке все, что ей нужно знать от Вас, взрослой, сильной женщины. Поддержите ее, ей нужны силы, чтобы вырасти такой как Вы.

На сцену выходит маленькая девочка. НИНА теряется, долго собирается с мыслями, садится возле нее на корточки.

НИНА. Нина, детка, ты ни в чем не виновата, папа никогда не жил с тобой, не потому что ты неправильная или плохая, просто это их с мамой дела. Взрослые иногда не могут разобраться меж собой и творят глупости, и ты тоже много глупостей наделаешь, но тебе можно будет, потому что без них люди взрослыми не становятся.

Пауза.

ПСИХОЛОГ. Продолжайте.

НИНА (*шепотом*). Я не знаю, что говорить.

ПСИХОЛОГ. Вы – добрая фея из будущего, ей нужны слова поддержки.

НИНА. Я всегда буду с тобой, я никогда тебя не брошу, и помни, ты очень красивая, перестань разглядывать картинки на стенах. Когда ты вырастешь, все будут говорить, что ты такая же красивая как они. И не все, что говорит мама – правильно, мамы тоже умеют ошибаться и совершать глупости, потому что они взрослые. (*Психологу*). Я закончила.

ПСИХОЛОГ. Я не услышал слов любви.

НИНА (*вспыхнула*). К ней?

ПСИХОЛОГ. Да. Разве Вы ее не любите?

НИНА (*неуверенно*). Не знаю... Она ненастоящая...

ПСИХОЛОГ. Вы не более настоящая, чем она.

НИНА. Я не могу...

На экране появляется видео, где эту маленькую девочку зимой на улице мужчина подбрасывает в воздухе, девочка смеется.

ПСИХОЛОГ. Это ты, Нина.

НИНА. Но это не отец моей подруги.

ПСИХОЛОГ. Да, это твой отец.

Кадры останавливаются. НИНА на грани.

НИНА. Что происходит? Что это такое? Что за спектакль Вы мне тут устроили? Я пришла за консультацией, а не виртуальной реальностью. Вы заставляете меня вести диалоги с теми, кто меня никогда не услышит! Вы хотите, чтобы я ощутила в полной мере, что сбрендила?

ПСИХОЛОГ. Связь с людьми не рвётся даже после их смерти. Ваш отец никогда Вас не услышит, но это не значит, что у Вас с ним нет отношений. Ваш пёс теряет слух, но главный человек, который должен здесь что-то услышать — это Вы сами.

НИНА. Что же мне нужно услышать?

ПСИХОЛОГ. Вам надо услышать себя саму, чего Вы боитесь на самом деле и чего хотите.

НИНА. Я всего лишь хочу, чтобы меня любили.

ПСИХОЛОГ. Любили так же, как Ваш отец?

НИНА. На месте отца у меня прочерк, там пусто.

ПСИХОЛОГ. Вы говорили, что боитесь пустоты и одиночества, Вы не были одиноки рядом со всеми этими мужчинами?

НИНА. Была, но это не моя вина.

ПСИХОЛОГ. Конечно, нет, но Вы оставались в этой пустоте, не так ли?

НИНА. Какое-то время да.

ПСИХОЛОГ. Почему?

НИНА. Не знаю, я в неё проваливалась.

ПСИХОЛОГ. И как? Вам было страшно там?

НИНА. Скорее привычно.

ПСИХОЛОГ. А по-другому непривычно?

НИНА. А я не знаю, как может быть по-другому.

ПСИХОЛОГ. Так что страшнее: пустота или неизвестность?

НИНА молчит.

ПСИХОЛОГ. Представьте, что Вы встретили кого-то, кто может по-настоящему любить Вас. Просто представьте на минуту.

НИНА начинает плакать.

ПСИХОЛОГ. Что Вы чувствуете?

НИНА. Страх.

ПСИХОЛОГ. Чего Вы на самом деле боитесь, Нина?

НИНА. Я боюсь... Не знаю, я боюсь довериться.

ПСИХОЛОГ. Почему это страшно?

НИНА. В близости я боюсь потерять контроль.

ПСИХОЛОГ. Для чего Вам нужен контроль?

НИНА. Когда я контролирую всё, меня никто не может ранить.

ПСИХОЛОГ. Ваш отец сильно ранил Вас?

НИНА. Да.

ПСИХОЛОГ. Вы могли бы простить его за это?

НИНА. Не знаю.

ПСИХОЛОГ. Вы верите, что Вас можно любить?

НИНА. Думаю, что нет.

ПСИХОЛОГ. Вы так сомневаетесь в себе?

НИНА. Нет, просто... Любовь невозможна, этого не изменить.

ПСИХОЛОГ. В Вас говорит часть личности, которая очень боится и защищается, она не хочет выходить из своего укрытия, чтобы не пораниться, но она мешает Вам жить, Нина, Вы не хотите с ней проститься?

НИНА. Проститься с частью себя?

ПСИХОЛОГ. Сказать «прощай» или безжалостно убить, в противном случае она так и будет искать нелюбви вечно.

НИНА. Господи, что я здесь делаю?

ПСИХОЛОГ. Вы несогласны со мной?

НИНА. Кажется, я зря сюда пришла.

ПСИХОЛОГ. Вы когда-нибудь слышали, что собаки видят синий и желтый цвета и не

видят красного?

НИНА. Нет.

ПСИХОЛОГ. Когда Вам сложно изменить мировоззрение, вот как сейчас, Вы тоже видите только желтое и синее, а есть еще 5 других цветов радуги, белый, черный и сотни оттенков. Вы как Ваша собака, Нина, Филипп – Ваша неотъемлемая часть, Ваше желание любить себя, Ваше стремление к одиночеству, Ваше отражение.

НИНА. Ха, Вы еще скажите, что он – плод моего воображения...

ПСИХОЛОГ. Вы сказали, что готовы либо выкинуть Филиппа в окно, либо выйти из него сами. Вам правда все равно, кто из Вас умрет?

НИНА. О чем Вы говорите?

ПСИХОЛОГ. Кем является Филипп на самом деле?

Наступает долгая пауза и осознание. НИНА проживает катарсис. ФИЛИПП встаёт со своего места, поворачивается в профиль к НИНЕ, и оба одновременно начинают говорить:

НИНА и ФИЛИПП. Привет! Меня зовут Филипп, я подрабатываю пастухом. Это значит, что мне надо собирать в стадо овец, которые отбились.

НИНА. Хозяйка фермы говорила, что я очень красив.

ФИЛИПП. Правда ещё она говорила, что я — олух и дурачок от рождения.

НИНА. И мне никогда не стать хорошим пастухом.

ФИЛИПП. Да и охранник из меня никакой.

НИНА и ФИЛИПП. Потому что я до смерти боюсь громких звуков. Когда я слышу звуки, мне кажется, что у меня поперёк головы встаёт огромная кость, которая распирает её изнутри.

НИНА. Мне кажется, что ещё чуть-чуть и она продерёт мои уши.

ФИЛИПП. Вылезет наружу.

НИНА. Страх сковывает мои конечности.

ФИЛИПП. В висках стучит.

НИНА и ФИЛИПП. Я чувствую боль в голове и груди.

ФИЛИПП (*за ним НИНА говорит канон*). Я просто был французским солдатом, который погиб в том месте, где было очень много неприятных звуков.

ФИЛИПП. Моя душа запомнила это, и вот.. Я снова пришёл на эту землю таким...

НИНА. Я снова пришёл на эту землю таким...

Пока они говорят, сзади на экране лицо актёра, который играет ФИЛИППА, наполовину становится человеческим, наполовину — собачьим, затем так же лицо актрисы, которая играет НИНУ, попеременно превращается в лицо актёра в роли ФИЛИППА и в собачью морду, затем половина лица остаётся её, другая половина превращается в часть лица актёра в роли ФИЛИППА, и всё лицо снова становится одной собачьей мордой.

ДЕВОЧКА. Дорогой папа, я бы хотела, чтобы ты был у меня, любил меня, обнимал, когда мне страшно, целовал на ночь, подтыкал под ноги одеяло, когда мне холодно, жалел, когда мне грустно. У меня этого никогда не было, но я на тебя не сержусь.

НИНА. Дорогой Филипп, я бы хотела, чтобы у меня была собака, с которой я могла бы ходить в лес на рассвете, встречать закаты на берегу озера после купания на выходных, играть в тянучки, заниматься утренней пробежкой без поводка. У меня этого никогда не было, но я на тебя не сержусь. И я люблю тебя.

ДЕВОЧКА. И я люблю тебя, Филипп.

НИНА (девочке). И тебя я люблю.

ФИЛИПП. Меня никто не слышит..

НИНА. Это неправда.

Лицо ФИЛИППА преображается, он всё ещё не верит своему счастью.

ФИЛИПП (осторожно). Ты когда-нибудь услышишь меня?

НИНА. Я всё слышу, я всегда всё слышала, даже если казалось, что это не так.

ФИЛИПП. Я хотел тебе сказать...

НИНА. Я всё знаю, малыш, нам не нужны слова, чтобы понимать друг друга.

ФИЛИПП и НИНА спускаются со своих стульев, садятся на пол, ФИЛИПП кладет голову НИНЕ на колени, она гладит его по волосам, это первый раз, когда они касаются друг друга. НИНА возится с ФИЛИППОМ, треплет его, гладит его. На экране сзади пишется текст, который они говорят друг другу, но не произносят:

ФИЛИПП. Что со мной не так?

НИНА. Ты просто очень болен.

ФИЛИПП. Меня можно вылечить?

НИНА. Нет, малыш, это неизлечимо.

ФИЛИПП. Это смертельно?

НИНА. Жизнь – и так смертельная штука, милый, а собачий век и без того недолог. Когда ты умрёшь, я буду жалеть о каждом злом слове, о каждом окрике, о каждом ударе.

Пожалуйста, прости меня.

ФИЛИПП. Когда я умру, я буду сидеть на радуге, и мои глаза станут сухими как ржавые листья в конце осени - я буду бояться моргать, чтобы не упустить тебя из виду, когда ты придешь.

НИНА. Не бойся, малыш, я никогда не пройду мимо тебя. Ведь пройти мимо тебя – это все равно что пройти мимо себя самой.

ФИЛИПП. Тогда до встречи?

НИНА. До встречи.

НИНА медленно отходит спиной ко второму плану сцены. На экране включается видео с играющей на зеленой лужайке австралийской овчаркой, она носится по траве и играет с девушкой за кадром, которая подзывает его: «Филипп, Филипп!» Все актеры кроме ФИЛИППА уходят вглубь сцены. ФИЛИПП напряженно смотрит в ожидании поверх зрителей. Его заливают красным светом. Слышно его громкое дыхание. Секунд через 30 кадр с собакой крупным планом останавливается, он размыт, так как пойман момент движения. В эту секунду дыхание актера останавливается. Свет гаснет с громким звуком, так резко, чтобы зритель вздрогнул.

ЗАНАВЕС.

***В сцене с ДЕНИСОМ ФИЛИПП читает на французском следующие отрывки стихотворения Шарля Бодлера "Падалль" в таком порядке:

Ты помнишь, жизнь моя, как позднею весною,
Когда так ласкова заря
Нам падал жалкая предстала в луже гноя
На жёстком ложе пустыря?

И ты, красавица, и ты покинешь вскоре
Цветеньем высветленный дол
И в мире тления неутолимой своре
Пойдешь на пиршественный стол!

Когда голодный червь вопьётся поцелуем,
Скажи нахлебнику могил,
Что я от гибели, которой не минуем,
Твое дыханье сохранил.

